

МНИРА ЦАРЦЕЛЛО

О чѣм говорят
зеркала

Мнира Царцелло

О чѐм говорят зеркала

«Автор»

2026

Царцелло М.

О чём говорят зеркала / М. Царцелло — «Автор», 2026

Старинный особняк Оверина веками хранил свои тайны под слоями пыли и штукатурки. Для студентки-реставратора Мэри Серовой работа в этом полуразрушенном здании XIX века должна была стать обычным заказом. Как человек науки и логики, она привыкла верить только фактам и не обращать внимания на мистические легенды. Однако у дома оказываются свои планы. С первых же дней реставрации привычный мир Мэри начинает рушиться. На видеозаписях появляются чужие тени, из закрытых залов доносится нездешняя музыка рояля, а в глубине старинных зеркал просыпается нечто, давно ждавшее своего часа. Загадочный незнакомец по ту сторону стекла утверждал, что они уже знакомы, а сам особняк — не просто каменные стены, а живая граница между реальным и невозможным. Чем ближе Мэри подбирается к разгадке истории дома, тем сильнее размывается грань между прошлым и настоящим. Ей предстоит узнать, какую цену требует особняк за свои тайны, и решить, готова ли она заплатить за правду.

© Царцелло М., 2026

© Автор, 2026

Мнира Царцелло О чём говорят зеркала

Дом дышит ночью, помнит свет и крики,

И тени спят в оконных зеркалах.

Там шепчет кто-то – тихо, и безлико,

Что жизнь и смерть – лишь трещина в стеклах.

Ты не вернись, пока не зреет утро,

Не назови то имя, что забыло слух.

В том доме время ходит по маршруту

Двух пересечённых, неживых разлук.

Но если стук услышишь за порогом –

Не отвернись, не скройся в полутьме.

Быть может, это ты сама – дорога,

Что шла к себе сквозь вечность и дожди.

Пролог. Зеркало без отражения

1873 год.

Свечи догорали медленно, будто не хотели видеть конца письма. Восковые капли стекали по подсвечнику, похожие на слёзы. Чернила на пергаменте уже остывали, оставляя лёгкий металлический запах. Рука графини дрожала – от холода или от сожаления, различить было невозможно. На краешке листа темнело пятно от слезы, размывшее одно слово: *прости*.

Она сидела у большого зеркала в позолоченной раме. Когда-то его привезли из Парижа – говорили, стекло отливалось на закате и потому отражает не только лица, но и мысли. Графиня не верила в суеверия. До этого вечера.

В комнате царила вязкая, бархатная тишина. Лишь огонь в камине потрескивал, и где-то в стенах слышался глухой шорох – словно дом медленно дышал. Она перечитала строки – признание, написанное для того, кто больше не откроет это письмо. «Если ты ещё помнишь мой голос, – писала она, – знай: я нарушила клятву не по воле сердца. Дом требует равновесия. То, что я открыла, не должно было ожить.»

Она поставила точку и заметила, что чернила чуть дрожат, будто строчки дышат. Пламя свечей колыхнулось, и тени на стенах потянулись к зеркалу. Оно отражало комнату слишком точно – даже пылинки, зависшие в воздухе, казались в нём живыми.

Она подняла взгляд. В отражении – не она.

Мужчина стоял позади, в полумраке. Бледное лицо, взгляд, в котором застыла тоска. Его часы, на цепочке у запястья, показывали полночь, хотя маятник на стене ещё не отбил и одиннадцати.

– Ты пришёл, – прошептала она. – Но поздно.

Отражение не ответило. Только стекло дрогнуло, как вода от брошенного камня. Лёгкий треск – и тонкая трещина побежала от угла к центру, рассекла её отражённое лицо пополам.

Она медленно поднялась, прижимая письмо к груди. Тени за ней будто ожили, повторяя движения с опозданием, как актёры в беззвучной пьесе. Воздух стал густым, пахнул воском, железом и сухими розами.

– Пусть дом запомнит, – сказала она тихо. – Пусть хранит, пока не придёт та, кто сможет завершить.

Она положила письмо на стол, рядом с чёрной розой, сохранившей форму, но утратившей запах. Зеркало тем временем начало тускнеть. Свет свечей будто втягивался внутрь, как в глубокий колодец. Из глубины послышался тихий звук – не шорох, не стон, а будто дыхание, пойманное между двумя мирами.

Шторы дрогнули, хотя окна были закрыты. Ветер не мог попасть внутрь, но пламя погасло, словно кто-то прошёл мимо. Перо, упавшее со стола, перекатилось к её ногам, оставив на паркете тонкую линию чернил. Она наклонилась, чтобы поднять его, – и застыла.

В зеркале она всё ещё стояла прямо. Не двинулась, не наклонилась. Её отражение больше не повторяло движений. Оно просто смотрело – пристально, без дыхания, как смотрят мёртвые на живых.

– Отпусти, – выдохнула она. – Прошу...

Но губы отражения не шевельнулись.

Вместо ответа стекло издало протяжный хруст. Звук прошёл сквозь дом, отразился эхом в трубах, под потолком, и где-то наверху хлопнула дверь. Трещина расползлась, коснувшись рамы, прошла по стене, будто кто-то ножом провёл по самой памяти дома.

Чернила на письме расплылись. Слова утонули в темноте, превратившись в нечитабельные волны. Последняя свеча дрогнула и погасла.

Зеркало светилось в темноте мягким, нереальным сиянием. Сквозь него мелькнуло движение – словно чьи-то пальцы прикасались изнутри. На поверхности остался отпечаток руки, тонкий, прозрачный, как след дыхания.

Дом замер.

Потом тихо вздохнул, и шорох прошёл по коридорам, по лестнице, по старым балкам. Казалось, стены слушают.

Из-за двери донёсся звук шагов – лёгкий, медленный, будто кто-то прошёл по коридору босиком. Графиня обернулась, но там никого не было. В зеркало – тоже. Только тьма и трещина, похожая на молнию.

Она закрыла глаза, чувствуя, как воздух становится ледяным. И когда открыла – увидела, что из трещины сочится тонкий луч света, похожий на дыхание. Он упал на пол, на край письма, и медленно прожёт в нём круглое отверстие.

– Теперь всё началось, – прошептала она.

Снаружи за окнами дождь перешёл в бурю. Стёкла дрожали, створки жалобно стонали. С потолка сорвался кусочек лепнины и упал рядом с зеркалом. Дом, словно проснувшись, отозвался глубоким гулом.

В тот миг зеркало окончательно потемнело. Из глубины донёсся шепот – неразборчивый, но похожий на имя. Она не поняла, чьё.

Может, своё.

Капли дождя стекали по окну, точно повторяя рисунок трещины.

Если бы кто-то вошёл в комнату, он бы заметил: зеркало больше не отражает света. Оно стало чёрным, как ночь, и в его глубине теплилось слабое, человеческое пламя – будто чья-то душа осталась внутри.

Зеркало запомнило её.

И дом – тоже.

Глава 1. Новый проект

Зеркала хранят не отражение, а время. В каждом – застывший миг, которого никто не помнит. Дом дышит тишиной, будто слушает шаги тех, кто давно ушёл. На подоконниках тают свечи, хотя их никто не зажигал.

В углу поднимается пыль – не от ветра, а от памяти. Часы Итана всё так же показывают 4:13, и стрелки не дрогнут, пока Мэри не вспомнит. На стенах проступают силуэты, и тени шепчут имена, которых нет в списках реставраторов.

Где-то наверху плачет ребёнок, но звук идёт не из комнаты, а из стекла.

Дом закрывает глаза, когда солнце касается его фасада. И в этот миг кажется, что кто-то – изнутри зеркала – делает шаг наружу.

Утро началось с привычного звука электрички, гулкой музыки города за окном и тонкого запаха кофе. Мэри Грин сидела у стола, заваленного чертежами и фотографиями старинных росписей, пытаясь привести в порядок документы. Над ноутбуком дрожал тусклый свет лампы – слишком ранний час, чтобы быть вдохновлённой, но слишком поздний, чтобы успеть отказаться от нового заказа.

На экране мигало письмо:

«Проект: Дом Оверина. Срочно. Оплата выше стандартной. Требуется выездная реставрация настенной живописи. Контакт – Марта В.»

Она перечитала его трижды. Название дома что-то в ней шевельнуло – смутное, почти физическое чувство узнавания, как будто слово «Оверин» звучало где-то в глубине её памяти. Но память – вещь капризная. После аварии три года назад она знала, как выглядит Венеция, не помня, была ли там. Знала запах горелого лака и растворителя, хотя не могла вспомнить, где им дышала.

Телефон завибрировал.

– Ну что, согласилась? – голос Артёма, привычно бодрый, как утренний кофе без сахара.

– Пока думаю, – ответила Мэри. – Дом старый, говорят, девятнадцатый век. А это значит – штукатурка, грибок и минимум света.

– То есть рай для тебя, – хмыкнул он. – Я еду с тобой. Снимем всё, сделаем ролик «Как мы оживляем прошлое».

Она усмехнулась.

– А потом ты опять случайно снимешь, как я разговариваю со стеной.

– Да ты сама к ним прислушиваешься. Я просто фиксирую.

Дом Оверина стоял в старом квартале – между банковским зданием и заброшенным театром. С первого взгляда он напоминал человека, который слишком долго хранил чужие тайны: осевшие стены, глухие окна, скрип старых перил. Над дверью висела табличка: «Музей памяти. Открытие скоро».

– Музей чего? – Артём поднял камеру.

– Не знаю. Может, памяти о тех, кто сюда заходил и не вернулся, – ответила Мэри, пытаясь шутить, но её голос прозвучал странно глухо.

Внутри пахло известью, пылью и старой бумагой. Под ногами хрустели обломки штукатурки. На стенах – следы старинных росписей, потускневших от времени. Где-то капала вода. Мэри провела пальцем по фреске: краска крошилась, но под ней, как ей показалось, виднелись очертания букв.

– Здесь были надписи, – сказала она, не отрывая взгляда. – Может, имена. Или дата.

– Главное, чтобы не «Не входи», – пробормотал Артём, проверяя фокус.

Сверху раздался стук, будто кто-то прошёл по галерее. Мэри подняла голову – пусто. Дом будто слушал их, запоминая каждый звук.

– Есть кто живой? – крикнул Артём.

Ответом стал лишь шелест ветра в разбитом окне.

В холле стояло старинное зеркало в тяжёлой раме. Его стекло было мутным, будто покрытым дымкой. Мэри подошла ближе – привычное профессиональное движение: оценить состояние, трещины, утраты серебрения. Но чем дольше она смотрела, тем сильнее ей казалось, что за мутной поверхностью движется что-то ещё.

Тень скользнула в глубине отражения. Не резкая, не страшная – скорее, человеческая.

– Артём, подойди. Посмотри на световой блик. Видишь? –

– Нет, – он щёлкнул камерой. – Тут темно, я потом на poste вытяну.

На экране фотоаппарата отражение оказалось чуть иным: в стекле стояла фигура – расплывчатая, будто снятая на старую плёнку. Плечи, контур головы. Но рядом с Мэри никого не было.

Она ощутила холод, словно кто-то прошёл слишком близко.

– Это просто искажение, – пробормотала она. – Влага, пыль, старое стекло...

– Конечно, – согласился Артём, но его пальцы чуть дрожали.

На втором этаже был балкон с узорной решёткой. Через трещины в штукатурке виднелась старинная подпись: «F. Overin, 1873». Та самая дата, что была в документах. Мэри аккуратно обвела её кисточкой, стряхнула пыль. Под тонким слоем краски проступили слова – фраза, выцветшая, но различимая:

«Пусть зеркало хранит твоё отражение, если сердце предаст.»

– Красиво. Или жутко, – заметил Артём.

– Зависит от того, кто это писал, – ответила она тихо.

Снова – стук. На этот раз отчётливее. Мэри обернулась – в зеркале у лестницы мелькнуло движение. Не просто отблеск света, а тень, повторившая её поворот головы. На секунду – и исчезла.

Она шагнула ближе, чувствуя, как воздух вокруг густеет. Дом будто следил. В глубине зеркала промелькнула вспышка – как дыхание.

И тогда Мэри впервые ощутила странное чувство: не страх, а узнавание. Будто кто-то изнутри смотрел на неё с удивлением – «ты вернулась?».

За спиной Артём бормотал что-то про настройки камеры, но её уже не волновало. В отражении, в том самом старом стекле, едва различимо дрогнул свет – словно внутри кто-то провёл рукой по поверхности.

Она не знала, что в этот момент Дом Оверина открыл глаза.

Внутри всё звучало иначе – слишком плотно и одновременно пусто, как будто пространство сжалось вокруг них и слушало. Мэри сделала шаг назад, ощущая под подошвами старый паркет, который вёл себя так, словно помнил тысячу шагов, прошедших прежде. Её пальцы автоматически потянулись к блокноту: отмечать, фиксировать, не доверять первому впечатлению. Это был рефлекс: если нельзя объяснить – опиши, и вдруг объяснение найдётся.

– Давай пройдем на западный крыл, – сказала она, указывая на длинный коридор с арочными проёмами. – Там, по плану, росписи лучше всего сохранились. Нам понадобятся лампы,

парочка скальпелей и влажная губка. И, пожалуйста, не забывай, что я не люблю, когда ты лезешь прямо туда, где говорят «не трогать».

Артём послушно поправил ремень камеры и шагнул вслед за ней, снимая каждый жест. Он уже успел понять: в её ремесле есть что-то почти религиозное. Реставратор относился к материалу не как к вещи, а как к живому организму: шёл по его поверхности с почтением, находил слабые места и аккуратно возвращал утраченное. Мэри любила маленькие ритуалы – протирать кисточки, откладывая обломки в отдельный пакет, как будто упаковка позволяла им не ускользнуть навсегда.

В коридоре на стенах обнаружили фрагменты орнаментов: птицы, ленточные завитки, лица, едва угадываемые под рыхлой штукатуркой. Она прошлась по одному участку тонкой резцовой лопаткой, и слой за слоем снялось прошлое. Воздух наполнился чуть сладковатым запахом старой олифы. Где-то в глубине раздался слабый звон – возможно, металлическая часть инструмента, возможно – что-то другое.

– У тебя отличная рука, – произнёс Артём, не отрывая камеры от лица. – Ты будто читаешь стены.

– Стены-то читаются, если знаешь язык, – ответила Мэри. – Но иногда они придумывают свои слова. Мы просто переводчики.

Она остановилась у одной двери – арочная рама, внутри которой виднелась комната, казавшаяся почти нетронутой. На полу валялись старые ноты, страницы партитур, желтоватые и хрупкие. Рядом – кожаный футляр старинной дирижёрской палочки, её длинный тонкий силуэт напоминал стрелу, указывающую в невидимом направлении.

– Посмотри, – позвала Мэри, поднимая ноту. На бумаге были аккуратные нотные знаки, но в углу кто-то мелким почерком дописал фразу: «не смотри в зеркало». Чернила сначала выглядели свежими, но при ближайшем рассмотрении оказалось, что это мастерская ретушь – надпись нанесена позже, по другому слою бумаги. Кто-то пытался оставить предупреждение, и предупреждение перешло в шифр.

– Кто этим занимался? – спросил Артём, недоумевая.

– Кто-знает. Часто люди, оставшиеся в домах, прячут послания. Иногда это любовные заметки, иногда – недовольство. Но иногда – страх.

Она провела пальцем по краю ноты, и чуть мелькнуло чувство, будто рука, оставившая эту надпись, была близка ей по времени. Не близка по дате, нет – скорее близка по состоянию. Как будто тот, кто писал, понимал ту же тишину, ту же усталость от памяти и тоску по забытому.

Артём переключил объектив и замер. На мониторе камера показала то, чего не видно невооружённым глазом: на одной из стен, прямо над фрагментом росписи, мерцала крошечная точка – не пыль, не отблеск, а нечто, что отбрасывало тень на саму краску. При приближении изображение слегка искажалось, и точка будто расширялась, образуя едва уловимый силуэт ребёнка.

– Подожди, – прошептал он. – Это артефакт? Что у тебя с рефлексом? Ты видишь это?

– Я вижу только то, что нужно видеть, – ответила Мэри, но сама поняла, что дернулась. В зеркале, которое висело в углу комнаты, опять что-то мелькнуло: небольшая фигура, бледная, как высохшая пыль, прошла по поверхности стекла и исчезла у самого края.

Они подошли к зеркалу вдвоём. Его рама была украшена резьбой: листья, маленькие розетки, ни одного царапина, словно кто-то заботился о нём. Но стекло... стекло было испещрено пятнами и тонкими линиями, напоминало карту с прожженными отмеченными точками. Каждая трещинка – как жилка на карте, ведущая в неведомое место.

– Оно думает, – сказала Мэри, и сама не сразу поняла, почему произносит это вслух. – Или, по крайней мере, ему есть что запоминать.

– Звучит красиво, – отозвался Артём. – Но практика говорит, что оно всего лишь старое и окислившееся.

– Практика иногда ошибается, – мягко ответила она. – В нашем деле приходится доверять не только глазам, но и пустым местам между ними.

Они устроили рабочее место: поставили лампу на штатив, разложили инструменты, Марта прислала термоконтейнер с горячим чаем и список приоритетных работ. Время шло, и в мерцающем свете лампы Мэри чувствовала, как дом меняет тон. Сначала это было почти неуловимо – чуть другая температура воздуха, как перед дождём. Потом – ритм: лёгкое повторяющееся постукивание где-то в глубине стен, как будто кто-то бил по дереву в такт мелодии. Она прислушалась и пыталась уловить последовательность: три удара, пауза, два удара. Ритм имел структуру, и это означало – не случайность.

– Это могут быть трубы, – предположил Артём. – Или грызуны.

– Или сообщение, – произнесла Мэри, и слово вывалилось почти шёпотом.

Они сели работать. Мэри аккуратно снимала пыль, восстанавливала края росписи, смешивала краски по старым рецептам. Её руки работали точно, как часы: ритмично, методично. Иногда она останавливалась, вслушивалась, и в те паузы происходило странное: казалось, что из зеркала доносится дыхание – не человеческое и не ветер, а что-то среднее, что шевелит волосы на затылке.

Ближе к вечеру, когда уличный свет стал тусклым, а в окнах соседних домов зажглись лампы, Артём вдруг поднял голову и сказал с невольной дрожью в голосе:

– Смотри кадр из коридора, там получилось что-то странное.

На экране появилась фотография – длинный коридор, центр кадра – старое зеркало, и в нём отражалась фигура. Но это была не Мэри, не Артём, не кто-то из команды. Это было существо с детским ростом и слишком взрослым наклоном головы, как если бы ребёнок смотрел старым взглядом. Оно держало в руках игрушку, о которой Мэри читала в одной из дневниковых замет – маленького деревянного петушка с выцветшей краской.

– Ты помнишь эту игрушку? – спросил Артём, не сводя глаз с монитора.

Она покачала головой, но внутри что-то у неё отозвалось – не память, а эхо. Когда она впервые видела ноты и ту фразу «не смотри в зеркало», эта игрушка как будто шептала: «я здесь». И вдруг сработало то странное, что обычно не поддаётся логике: ощущение, что дом показывает им не то, что было, а то, что хочет, чтобы они увидели.

– Мы не должны торопиться с выводами, – сказала Мэри. – Но и закрывать глаза бессмысленно.

Она выключила камеру, затем вновь включила, уменьшив экспозицию, чтобы лучше различать нюансы. На экране слабая фигура стала чётче, как будто кто-то внутри зеркала решил быть замеченным. Это было не угрожающе; скорее – просьба. Просьба о внимании.

Когда они разобрали рабочие инструменты и собрались уходить, Марта вошла в холл с листом бумаг и ключом в руках. Она посмотрела на них и, не улыбаясь, произнесла:

– Вы слышали?

– Что именно? – спросил Артём.

– Тон, – ответила Марта. – Дом начинает разговаривать не только с теми, кто умеет слышать. Он выбирает. И иногда выбор – это не возвращение, а напоминание.

Мэри почувствовала внезапную усталость – не физическую, а ту, которая приходит, когда внутри что-то разорвалось и заново собирается по кусочкам. Ей хотелось спать, но глаза упрямо смотрели на зеркало, где ещё некоторое время могла мерцать маленькая фигура.

Она наклонилась и прошептала, не совсем понимая, зачем:

– Если ты здесь, покажи знак. И зеркало, едва заметно, отразило её слова обратно – не эхом, а знаком: маленькая тень повернула голову в её сторону.

Они ушли, закрыв за собой тяжёлую дверь. Снаружи город был обычен: машины, прохожие, реклама – всё то, что упорно держит людей в настоящем. Но пока Мэри шла по тротуару, она не могла отогнать ощущение, что внутри неё что-то нажало кнопку и включило фильм, картинку, которую ей ещё предстояло посмотреть. Дом остался позади, но в её памяти уже закладывались кадры: ноты, надпись, детская игрушка, мерцающая в зеркале. Эти кадры обещали, что работа не закончится инструментами и краской – она будет требовать времени, амплитуды чувств и смелости заглянуть в те пустоты, которые дом хранил как свои тайники.

Уже вечером, в её небольшой квартире над пекарней, Мэри достала блокнот и перевела записи в аккуратные строки. Рядом, на столе, лежало фото – то самое, с детской фигурой в зеркале. Она провела пальцем по краю снимка и почувствовала не страх, а странную, холодную любознательность.

– Домом началось, – прошептала она сама себе. – И это был не просто дом.

Она закрыла блокнот, выключила свет и на мгновение представила, как где-то там, в каменной груди особняка, мерцает маленький свет – и кто-то внутри этого света ждет, пока они вернутся.

Утро встретило их запахом извести и холодом. Солнечные лучи пробивались сквозь пыль, превращая воздух в вязкое золото. Дом стоял тише, чем вчера, будто отдыхал после разговора. Но чем ближе Мэри подходила к холлу, тем сильнее чувствовала странное – как будто внутри здания сменился ритм дыхания.

На перилах второго этажа лежала свежая пыль, хотя вчера здесь убрали. В воздухе стоял аромат старого воска, и что-то едва уловимо гудело в стенах – низкий звук, похожий на ноту виолончели, застывшую на вдохе. Иногда этот звук будто повторял её шаги, слегка запаздывая, словно дом подстраивался под ритм человеческого сердца.

– Ну, здравствуй, – сказала Мэри вслух, и её голос прозвучал слишком громко.

– С кем ты здороваешься? – Артём поднял камеру, лениво настраивая резкость.

– С домом, – ответила она. – Иногда полезно обозначить, кто здесь гость.

Он усмехнулся:

– Тогда скажи, что мы ненадолго. А то он вдруг решит, что мы к нему жить приехали.

Она не ответила. Прошла дальше – в комнату, где вчера нашла старые ноты. Там свет бил прямо на стену с трещиной, и теперь она казалась глубже. Изнутри, из слоя штукатурки, проступали крошечные линии, похожие на рисунок – тонкие штрихи, будто кто-то писал углём. Она провела по ним пальцем, и пыль осыпалась, открыв старинную надпись:

«Пока зеркало молчит – путь закрыт.»

– Ты это видишь? – Мэри позвала Артёма.

– Да, вижу, – он приблизился, снимая. – Но что это вообще значит?

– Наверное, часть декоративного фриза. Или зашифрованная надпись. Люди раньше любили мистификации.

– Или кто-то просто предупреждал, – сказал он, глядя через объектив. – «Пока зеркало молчит»... Может, это про вчерашнее отражение?

Она не ответила. Потому что сейчас, при дневном свете, зеркало выглядело иначе – в нём отражалось не всё, что стояло перед ним. На снимках Артёма её фигура была на месте, но вот её руки – исчезали.

Мэри подняла взгляд: в отражении не было кисти правой руки. Только её плечо, пустота – и тонкая полоска света, проходящая сквозь стекло, как порез.

На секунду она почувствовала слабость, будто сердце сбилось с ритма.

– Стоп, – прошептала она. – Не снимай.

Она подошла ближе, почти касаясь стекла лицом. Воздух был прохладным, но зеркало – тёплым. Словно кто-то дышал изнутри.

В отражении промелькнуло движение. Лицо мужчины, бледное, чуть размытое, появилось у самой кромки. Он стоял за её плечом – и смотрел прямо в глаза.

– Кто... – Мэри не успела договорить.

Фигура сделала шаг вперёд – и исчезла, как тень, растворившаяся в блике света. Артём оторвался от камеры:

– Мэри, ты побледнела. Что это было?

– Не знаю, – её голос стал ровным, почти механическим. – Наверное, игра света.

Но где-то внутри она уже знала, что это не свет. К обеду приехала Марта. С утончённой улыбкой, в перчатках и длинном плаще цвета графита. Она принесла папку с документами – и чашку кофе, как будто знала, что Мэри забыла про еду.

– Ну что, наши художники мира, как продвигается воскрешение прошлого? –

– Мы нашли надпись. И, кажется, подпись художника, – ответила Мэри, показывая снимок.

Марта посмотрела, и в её глазах что-то мелькнуло.

– Ах, да. Эта фраза... «Пока зеркало молчит – путь закрыт». Её часто путают с декоративным девизом. Но если верить записям владельцев дома, это был не лозунг, а заклинание.

– Заклинание? – переспросил Артём с усмешкой.

– Или предупреждение, – мягко поправила она. – Дом Оверина хранил слишком много воспоминаний. Иногда они просачивались наружу.

Марта отошла к зеркалу. Пальцы её в перчатках скользнули по стеклу, и на мгновение показалось, что оно дрогнуло.

– Видите, как блестит? Не от света. Он реагирует.

– На что? – спросила Мэри.

– На присутствие. На того, кто уже был здесь.

Марта посмотрела прямо на Мэри – взглядом, от которого стало холодно.

– Этот дом выбирает не случайно. Иногда ему нужно, чтобы кто-то вернулся.

И, будто ничего не произошло, она добавила:

– Я оставляю вам ключи. Сегодня вы работаете до семи. После заката тут становится слишком шумно.

Когда солнце опустилось ниже крыши соседнего здания, свет в доме изменился. В коридоре отражения удлинялись, как будто стекло становилось глубже. Мэри сидела на полу, склонившись над орнаментом, когда услышала тихий звук – не стук, не шаг, а ровный, низкий тон, будто кто-то проводил пальцем по хрустальной поверхности.

Она подняла глаза – зеркало напротив было совершенно чёрным. Ни отражения, ни бликов. Только глубокий тёмный овал.

– Артём, посмотри.

Он подошёл, но в объективе камера показывала другое: Мэри стояла перед зеркалом – и с другой стороны стекла стояла она же. Только отражение двигалось чуть раньше, чем оригинал.

– Это глюк, – выдохнул Артём. – Это просто...

– Не «просто», – перебила она. – Смотри.

Отражение подняло руку – и приложило палец к губам. Тишина. А потом – тихий, почти неразличимый шёпот, словно доносившийся издалека:

– Я помню тебя.

Мэри застыла. Это был не голос Артёма, не запись. Голос звучал из самого стекла – глухо, словно через толщу воды. Мужской, мягкий, немного усталый.

– Кто это сказал? – Артём бросился к диктофону, но запись не шла.

Мэри не могла отвести взгляда. В зеркале стоял тот самый силуэт, который она видела утром. Мужчина в старинных часах на запястье, лицо чуть расплывшееся, но глаза – ясные, серо-зелёные, как у человека, привыкшего к дождю.

– Ты... кто? – прошептала она.

Он ответил не сразу.

– Тот, кого ты оставила.

Мгновение – и зеркало потемнело, как если бы кто-то потушил в нём свет. Артём потряс её за плечо:

– Мэри, хватит, нам нужно выйти. Слышишь?

Она кивнула, медленно, как человек, проснувшийся посреди сна. Пока они шли к двери, дом будто провожал их шорохом досок. Воздух стал плотнее, тише. За спиной что-то едва слышно цокнуло – как если бы часы перевели стрелку. Когда они покидали дом, Мэри обернулась – и в окне второго этажа мелькнул слабый отблеск. Серебристая тень, напоминающая человеческую фигуру, стояла у зеркала. И тогда ей впервые показалось, что Дом Оверина улыбается. Не радостно, а будто с удовлетворением: он снова нашёл того, кого ждал. Мэри сидела в машине, не включая фары. Сквозь лобовое стекло особняк казался теневой костью в золотистом сумраке. В окнах – ни огня, ни отражения, но казалось, что за каждым стеклом кто-то стоит, глядя на улицу. Артём возился с оборудованием на заднем сиденье, что-то бурча под нос, но она его почти не слышала.

«Тот, кого ты оставила.» Слова звучали, как эхо, застрявшее между висков.

Она пыталась вспомнить – где могла его видеть? Может, портрет, который она реставрировала на практике? Или один из старых фильмов, где актёр в антикварных часах смотрел прямо в объектив? Но нет. Это было не «вспомнила», а «узнала». И это пугало сильнее.

– Мэри, ты со мной? – голос Артёма прорезал тишину.

– Да. Просто устала, – соврала она.

– Нормально. После таких эффектов кто угодно устанет. Кстати, видео почти не сохранилось. Всё смазлось, будто фокус соскользнул.

– Как будто дом не хотел, чтобы ты снимал, – вырвалось у неё.

Он посмотрел на неё в зеркало заднего вида и фыркнул:

– Пожалуйста, без мистики. У нас и так приборы с ума сходят.

Но даже в его тоне сквозило напряжение. В ту ночь он несколько раз включал ноутбук, проверял файлы, и каждый раз кадры исчезали, как будто стирались сами собой.

Поздним вечером, уже дома, Мэри разложила на столе эскизы росписей.

Пальцы дрожали, когда она водила карандашом по линиям – всё повторялось слишком точно. Узоры, завитки, даже подпись художника. И только теперь она заметила странную деталь: под декоративным орнаментом тянулась тонкая линия, почти невидимая. Приглядевшись, она поняла – это не просто штрих, это крошечные буквы, соединённые в непрерывную надпись:

«Запомни время.»

Её взгляд непроизвольно упал на настенные часы – 21:13.

Минута тянулась слишком долго. Потом маятник дёрнулся, и стрелка сместилась... назад. На 21:12. Мэри замерла.

– Не может быть.

Всё в квартире стало каким-то слишком тихим. За окном шёл дождь, но капли не звучали. Только ровное, почти сердечное тиканье. Она подошла к зеркалу в прихожей – и на мгновение показалось, что свет в отражении отстаёт от реальности.

Из глубины стекла проступили силуэты комнаты, чуть искажённые, словно снятые сквозь воду. И там, где должна была быть её фигура, стоял кто-то другой.

Мужчина в тёмном костюме, тот самый из особняка, чуть склонив голову, как будто прислушиваясь к её дыханию.

– Ты ведь не спишь, да? – прозвучал голос, мягкий и ровный.

Она отступила. Сердце стучало где-то в горле, но в то же время в ней поднималось странное чувство – не страх, а будто облегчение: он действительно существует.

– Почему ты... здесь?

– Потому что ты открыла дверь. Ты снова вошла, – ответил он. – А дом помнит.

Зеркало дрогнуло. Лицо исчезло, оставив только её собственное отражение – бледное, растерянное, но с глазами, в которых уже не было прежнего спокойствия. Ночь она не спала. В голове вертелись слова Марты, будто шепот изнутри стены: «Иногда дому нужно, чтобы кто-то вернулся.»

Но почему – она?

Мэри пролистала архивные документы, которые дала Марта: старые фотографии, чертежи, список владельцев. И вдруг остановилась. На снимке конца XIX века, выцветшем и тёмном, стояла молодая женщина в длинном платье перед тем самым зеркалом. Подпись под фото гласила: «Графиня Элиза Оверин. 1873 год.». Мэри почувствовала, как холод пробежал по спине. Потому что глаза на фотографии были её. Не «похожие» – те же самые. Даже родинка под левым глазом. Она медленно закрыла папку, будто боясь, что от движения кадр оживёт. И, не включая свет, подошла к окну. Особняк виднелся вдали, через весь город – как чернильное пятно на холсте ночи. И на миг ей показалось, что там, в верхнем окне, горит слабый золотистый свет, будто кто-то не спит.

– «Ты оставила меня», – прошептала она, почти беззвучно.

И отражение в стекле, не дожидаясь её слов, чуть качнуло головой, словно согласно.

Дом не забыл.

И Мэри вдруг поняла – с того самого утра она больше не одна.

Кто-то идёт рядом, шаг в шаг. Только теперь неясно, кто за кем следует – она за тенью или тень за ней.

Дождь закончился к полуночи. Улицы казались вымытыми, как старое полотно, с которого стерли краску. Мэри стояла перед коваными воротами Дома Оверина, не решаясь войти. На пальцах ещё ощущался холод металла ключей, которые Марта оставила «на случай необходимости». Необходимость пришла быстрее, чем она ожидала. С того вечера ей не давала покоя фотография графини Элизы Оверин.

Лицо – её лицо. Тот же разрез глаз, та же линия губ. Даже лёгкий изгиб подбородка. Она могла бы объяснить сходство случайностью, игрой генов, художественной ошибкой, но сердце будто уже знало: нет, это не случай.

Она толкнула ворота. Петли скрипнули, и звук, казалось, растворился в ночи.

Дом ждал.

Окна были тёмными, но где-то в глубине мигнул слабый отблеск – будто кто-то прошёл с зажжённой свечой. Мэри шагнула внутрь. Коридор встретил запахом воска и старого дерева. Тишина здесь была иной – плотной, наполненной дыханием. Каждый её шаг отзывался мягким эхо, словно из-под пола кто-то повторял движение. Она включила фонарик смартфона – луч света выхватил из тьмы пыльную лестницу, расписные стены, и знакомое зеркало, стоящее у входа в зал. Оно выглядело спокойным, матовым. Но стоило ей подойти ближе, как стекло едва заметно дрогнуло – будто поверхность воды, в которую бросили камень.

– Я пришла просто посмотреть, – сказала Мэри, чувствуя, как глупо это звучит в пустом доме.

Ответа не было. Только где-то наверху тихо щёлкнули старые часы, и их ход пошёл в обратную сторону.

21:11... 21:10... 21:09...

Она поднялась по ступеням. На втором этаже воздух был плотнее. Пыль, как серебряный туман, висела в воздухе. Дверь в музыкальную гостиную была приоткрыта. Изнутри доносилась

музыка. Не громкая – будто кто-то касался клавиш наугад, вспоминая забытые ноты. Простая мелодия, с дрожью, как дыхание.

Мэри толкнула дверь.

Внутри стояло старое пианино, крышка покрыта слоем пыли, клавиши пожелтели. Но пальцы, касавшиеся их, были живыми. Мужчина сидел к ней спиной, в старинной рубашке, рукава закатаны, на левом запястье – часы с треснувшим стеклом. Она сделала шаг. Он замер, но не обернулся.

– Ты всё-таки вернулась, – произнёс он негромко. Голос был хрипловатый, усталый, но в нём было что-то узнаваемое, до боли.

Мэри выдохнула:

– Кто вы?

Он повернул голову. Лицо освещал слабый свет от окна. Это был тот самый человек из зеркала. Те же глаза, то же молчаливое спокойствие, как будто он ждал этого мгновения столетиями.

– Зови меня Итан, – сказал он. – Я ждал тебя.

Она замерла.

– Мы... знакомы?

– Когда-то. Но ты не помнишь. Дом забрал у тебя память, как плату за проход.

Она сделала шаг назад.

– Это бред. Я реставратор, не персонаж твоей сказки.

– Тогда почему ты видишь меня? – спокойно спросил он.

Его слова ударили, как тихий звон. Мэри опустила глаза, пытаясь не смотреть на зеркало рядом. Но там, в отражении, она видела себя – и не себя: в старинном платье, с распущенными волосами, держащую его за руку. Сцена, будто вырванная из сна.

– Это невозможно... – прошептала она.

– Всё возможно здесь, – сказал он. – Дом – это память. Он хранит то, что ты не хочешь вспоминать.

Он поднялся, подошёл ближе. Пахло старыми книгами и холодом.

– Я обещал, что найду тебя, – тихо добавил он. – И сдержал обещание.

Мэри отступила, почти спотыкаясь. Музыка прекратилась, и комната потемнела. Только зеркало по-прежнему светилось изнутри мягким серебром. Она бросилась к двери, но та не поддавалась. Ручка холодная, как лёд.

– Выпусти! – крикнула она.

– Тебе некуда уходить, – ответил Итан. – Ты уже внутри.

Он стоял прямо у зеркала, и его отражение двигалось отдельно, с запозданием, будто жило своей жизнью.

– Почему я? – спросила она, глядя на него.

– Потому что ты открыла трещину. Тогда, три года назад. Когда выжила после аварии.

Она замерла.

– Откуда ты... знаешь об этом?

– Я был там. Ты звала меня.

В памяти вспыхнуло: вспышка фар, крик, и звук разбивающегося стекла. Такой же треск, как в том старом зеркале в холле. Мэри закрыла глаза, чувствуя, как слёзы сами подступают.

– Я не помню.

– Дом помнит, – тихо сказал Итан. – Он не отпускает тех, кто дал клятву.

Всё стихло.

Только тиканье часов, медленное, ровное.

Она снова глянула в зеркало – теперь отражение исчезло.

Только собственное лицо, бледное, испуганное, но в глазах – отблеск чьего-то взгляда, как чужая искра. Итан стоял рядом, чуть позади, его тень ложилась на пол.

– Завтра ты всё поймёшь, – сказал он тихо. – Не бойся. Дом тебя не обидит. Он просто хочет, чтобы ты вспомнила.

Он шагнул к зеркалу – и растворился, будто вошёл в него. Поверхность стекла дрогнула, и снова стала матовой. Мэри осталась одна. За окном начинался рассвет. На стене часы остановились ровно на 4:13. Она вышла из дома, не оглядываясь, но где-то за спиной, в глубине коридора, тихо прозвучал шепот:

– Не опоздай, Мэри. Время идёт вспять только однажды.

Когда она вернулась домой, солнце уже поднималось над крышами. На её ладони остался тонкий след пыли, как будто кто-то держал её за руку. И на внутренней стороне запястья – едва видимая метка, тонкая, похожая на отпечаток циферблата. Мэри долго смотрела на неё, пока стрелки её собственных часов не дёрнулись – и на секунду пошли обратно. Она закрыла дверь квартиры на два оборота, будто пытаясь запереть вместе с собой тень той ночи. Ключ дрожал в замке, пальцы не слушались. В прихожей пахло кофе, книгами, миром, где всё просто и линейно. Но этот запах теперь казался фальшивым. Мэри включила свет. Комната выглядела обыкновенно – планшет на столе, недопитая чашка, блокнот с заметками о реставрации. Она опустила на стул, глядя в экран. Включила видео, которое Артём отправил ей вечером – обзор фасада, где она мелькала в кадре.

Всё спокойно.

Но на сороковой секунде, прямо за её плечом, мелькнула бледная фигура. Мужская. Сложенные руки. И – часы на запястье. Мэри перемотала, поставила на паузу. Изображение расплывалось, пиксели дрожали. Но в отражении окна – Итан. Или кто-то, невероятно похожий. Она выключила ноутбук и резко встала. На стене – зеркало. Простое, овальное, купленное в обычном магазине. Оно тоже дрогнуло. Совсем чуть-чуть.словно внутри прошла волна воздуха.

– Хватит, – прошептала она. – Меня просто разыгрывает воображение.

Но стекло не слушало. На его поверхности проступили тёмные полосы – тонкие, как трещины, складывающиеся в линии. Секунды спустя Мэри поняла, что это буквы.

«ВСПОМНИ».

Она шагнула назад, сердце колотилось. Буквы исчезли, будто растворились в глянце. Оставив только собственное отражение – бледное, с расширенными зрачками. Утро пришло медленно, как будто и оно боялось заходить в комнату. Артём позвонил, когда она уже собиралась выйти.

– Мэри, ты где? Я поехал к дому, но охрана говорит, что ночью там кто-то был. Камеры зафиксировали движение.

– Не может быть, – тихо сказала она.

– Да я сам вижу – там ты, кажется.

Она замолчала.

– Наверное, я просто... хотела проверить материалы.

– Ночью? Без меня? – Артём усмехнулся, но в голосе звучало беспокойство. – Ты хотя бы скажи, если ещё раз туда соберёшься.

– Не собираюсь. – Она почти верила этим словам.

Они встретились у офиса фонда «Память в камне», где Марта принимала отчёты. Та встретила Мэри с улыбкой, но глаза у коллекционерши были настороженные.

– Вы что-то принесли с собой? – спросила она тихо.

– В каком смысле?

– Дом всегда что-то отдаёт тем, кто к нему прикасается. Иногда – не сразу.

Марта поставила перед ней старую книгу – инвентарный журнал времён Оверина. На одной из страниц было наклеено фото молодой женщины, очень похожей на Мэри.

Подпись: Элиза. 1898 год.

– Откуда у вас это? – спросила Мэри, чувствуя, как холод пробирается под кожу.

– Мы нашли в архиве дома, – сказала Марта. – Вчера. На полке, которая была пуста последние тридцать лет.

Артём достал телефон.

– Кстати, насчёт вчерашнего. Я кое-что нашёл на камере.

Он включил запись. Шум, тень, треск микрофона. В кадре – лестница, пустой зал, зеркало. Но в какой-то момент камера будто фокусируется сама по себе – и на мгновение виден силуэт Мэри и мужчину рядом с ней.

Он держит её за руку.

– Это монтаж? – прошептала Марта.

– Я ничего не трогал, – ответил Артём.

Мэри молчала. На записи мужчина поворачивает голову – и в объективе вспыхивает отражение его глаз. Свет, как от ртути. Когда все разошлись, Мэри долго сидела в библиотеке, рассматривая старые страницы журнала. Пальцы невольно коснулись фотографии Элизы.

Кожа подушечек за зудела, словно от лёгкого ожога. Она перевернула лист – на обороте кто-то оставил запись чернилами: «Не разбивай зеркало – оно единственный путь назад.»

Подпись была неразборчива, но последние буквы походили на Ithan. В комнате стало тихо. Снаружи шёл дождь, стекло в окне дрожало под ветром. Мэри подняла глаза – и на секунду ей показалось, что в отражении окна позади мелькнула фигура.

Он снова был там. Стоял, глядя прямо на неё.

Она моргнула – и всё исчезло.

Остался только её силуэт и тёмное пятно на стекле, похожее на след руки. Дома, поздно вечером, Мэри открыла записную книжку и впервые за три года попробовала записать сны, которые возвращались каждую ночь. В них всегда был один и тот же звук – хруст стекла, трещина, тёмная вода и голос, зовущий по имени. Она записала слово «Итан», посмотрела на него долго, будто пыталась понять, чужое ли оно. Лампочка моргнула.

С полки, без всякого ветра, упала фотография дома Оверина.

Стекло рамки треснуло точно по линии горизонта.

Мэри посмотрела на часы.

Стрелки стояли на 4:13.

И не двигались.

Она закрыла блокнот и шепнула в темноту:

– Если ты есть... докажи, что всё это не сон.

Из зеркала, стоящего у стены, донёсся тихий отклик. Не звук. Не голос. Просто шорох, как вздох. И еле слышный отклик, похожий на слова:

– Уже доказал.

Утро началось с электрического треска.

Мэри сидела за столом, пытаясь включить ноутбук – экран моргал, будто отказывался подчиняться. На мониторе вспыхнули строки: Файл повреждён. Восстановить? Она нажала «да». Экран на мгновение стал чёрным, и в тишине прозвучало тихое щелканье – как если бы кто-то постучал изнутри корпуса. На экране появилось видео: лестница дома Оверина, снятая камерой наблюдения. Но запись изменилась. Вместо пустого холла по ступеням спускалась женщина. Тёмное платье, кружевной ворот, волосы, убранные в старинную причёску. Мэри не видела лица, но в движениях было что-то болезненно знакомое. На последнем кадре женщина остановилась и посмотрела прямо в объектив. Экран погас.

Мэри отпрянула, едва не уронив кружку.

Сердце билось в висках. Она пыталась убедить себя, что это всего лишь ошибка воспроизведения. Но в глубине души уже знала – дом не хочет, чтобы его забывали.

В тот день Марта вызвала их на объект раньше обычного. Сказала, что нужно проверить систему сигнализации. Когда Мэри и Артём вошли в главный зал, воздух был тяжелым, пахло пылью и чем-то влажным, будто стены дышали.

– Здесь, – сказала Марта, подводя их к огромному зеркалу в золочёной раме. – Смотрите.

На поверхности, вместо привычного отражения, застыло мутное марево, как туман за стеклом.

– Оно запотело, – сказал Артём, поднеся руку.

– Не трогай! – резко сказала Марта. – Это не конденсат. Это память.

Она подошла ближе, и Мэри заметила, как по краю зеркала проходит сеть тонких трещин – точно таких, как в том письме графини, прочитанном ею в прологе.

– Его нельзя полировать, – прошептала Мэри. – Оно живое.

Марта медленно кивнула.

– Значит, ты тоже это чувствуешь.

Артём, привыкший к рациональному, молчал дольше всех. Он включил камеру, направил объектив на зеркало.

– Записываю тест. Температура в зале – восемнадцать, влажность – шестьдесят три процента.

Но когда он посмотрел на экран, там не было ни Мэри, ни Марты. Только он сам, стоящий в пустом зале.

– Это... глюк? – он заморгал. – Камера не видит вас.

– Она не должна, – сказала Марта спокойно. – Этот зал теперь выбирает, кого показывать.

Мэри почувствовала холод на ладони. Обернулась – позади стояла дверь, ведущая в боковое крыло. Она была приоткрыта, хотя утром они запирали все помещения. Из-за двери тянуло прохладой и запахом старого дерева.

– Там никого нет, – сказал Артём, уже доставая фонарик.

– Не иди, – тихо попросила Мэри.

Но он шагнул. Луч света выхватил из темноты узкий коридор, где стены были исписаны старыми цифрами и надписями. На одной – слова: «Не зови, если не готов услышать.». Артём хмыкнул, сделал ещё шаг – и камера в его руке мигнула. На экране, в отражении линзы, появилось лицо. На секунду. Женское. С заплаканными глазами.

– Что за... – он отшатнулся. – Мэри, ты видела?

– Да, – прошептала она. – И, кажется, она смотрела не на тебя. На меня.

Они вернулись в главный зал. Зеркало теперь выглядело спокойно, будто и не было мутным. Но в отражении Мэри заметила странность – время на её часах и на часах Артёма различалось ровно на три минуты. Когда она подняла взгляд, стрелки на зеркальном отражении пошли в обратную сторону. Марта стояла рядом, почти не моргая.

– Дом начинает счёт, – сказала она. – Каждый, кто сюда вошёл, должен что-то вернуть.

– Что именно?

– Память.

Мэри почувствовала, как внутри что-то отзывается, болезненно, словно старый шрам. Артём отступил назад.

– Ладно, хватит мистики. Я сделаю копию записи и свяжусь с инженерами. Возможно, магнитное поле...

Но фраза оборвалась, когда в зале вдруг раздался звук – как тихий детский смех. Звонкий, лёгкий, но исходящий откуда-то из-за зеркала. Марта побледнела.

– Он проснулся, – сказала она почти шёпотом. – Ребёнок-проводник.

После обеда Марта уехала, оставив их вдвоём. Мэри и Артём собирали аппаратуру, но напряжение между ними становилось ощутимым, как статическое электричество.

– Слушай, – сказал он, – может, ты просто устала? После аварии ты иногда путаешь даты, имена... может, дом не при чём?

– Ты видел те записи, – ответила Мэри. – Это не галлюцинации.

Он хотел возразить, но в этот момент из-под дверей в дальнем зале вытянулась узкая полоса света. Белая, холодная. Она скользнула по полу, коснулась ноги Мэри и исчезла. Из-за стены донёсся тихий шорох, словно кто-то шептал: «Помоги.». Мэри сделала шаг к двери – и свет вспыхнул снова, ослепительно. На мгновение она увидела, будто сквозь стекло, другую комнату – точно такую же, но там вместо неё стояла другая женщина. Та, с фотографии. Элиза.

– Мэри! – Артём дёрнул её за руку, возвращая в реальность.

Свет исчез. Дверь оказалась наглухо закрытой. Они стояли посреди пустого зала, и воздух вокруг казался густым, вязким. Артём тяжело выдохнул.

– Всё. Мы уходим. Завтра тут будет комиссия.

– Да, – ответила Мэри, но в глубине она знала, что не сможет.

Дом держал её. Когда они вышли на улицу, сумерки уже сползали с крыш. На втором этаже особняка зажегся одинокий свет. В окне стоял силуэт мужчины. И даже на расстоянии было видно – на его запястье поблёскивают часы. Ночью Мэри не спала. Снились зеркала, тянущиеся бесконечно вдаль, отражения, которые не повторяют движения. А потом – дом. Он дышал, будто живой, и шептал её имя. Проснувшись, она поняла, что слышит тот же шёпот не во сне. Он шёл из зеркала напротив кровати. И там, в глубине стекла, мерцала едва заметная фигура мальчика, который, не мигая, смотрел на неё и тихо произнёс:

– Не смотри вниз.

Мэри медленно подошла к зеркалу. Мальчик исчез, словно его стёрли из стекла рукой. Но поверхность оставалась странной – мягкой, будто дыхание за тонким слоем льда. Она дотронулась пальцами, и кожа моментально покрылась гусиной кожей: под стеклом шевельнулось что-то светлое, как тень от лица.

– Кто ты? – прошептала она.

Изнутри зеркала донёсся тихий вздох. Сначала казалось, что это просто воздух в трещинах, но потом он сложился в слово.

– Ты.

Мэри резко отдёрнула руку. Свет погас, лампа мигнула и потухла. Комнату заполнила густая темнота. Но она ясно чувствовала: кто-то стоит рядом. Не дышит. Не двигается. Просто присутствует. Шаг. Второй. Её пальцы нащупали выключатель, но прежде, чем она успела щёлкнуть, кто-то тихо сказал:

– Я ждал, когда ты вспомнишь.

Сердце ухнуло вниз. Она узнала этот голос. Тот самый, из отражений, из сна, из треска стекла. Мэри повернулась. Возле окна, освещённый слабым светом с улицы, стоял Итан. Настоящий. Не туман, не видение – он отбрасывал тень. На нём было старомодное пальто, ворот застёгнут до горла, запястье перетянато ремешком часов. Стрелки на них остановились – как и всегда – на 4:13.

– Это невозможно, – прошептала она. – Ты...

– Тот, кого ты оставила, – мягко ответил он. – Три раза.

Он сделал шаг вперёд. Воздух дрогнул, и комната будто сузилась.

– Что тебе нужно? – Мэри отступила к столу.

– Не мне. – Он посмотрел в сторону зеркала. – Дому. Он голоден.

Мэри почувствовала, как холод пробирается в кости.

– Я ничего ему не делала.

– Ты открыла дверь, – сказал он. – Просто не помнишь.

Он подошёл ближе, протянул руку – осторожно, не касаясь.

– Когда ты ушла тогда, он запомнил твоё дыхание. Оно и разбудило его.

Мэри смотрела на Итана, и в какой-то миг пространство между ними стало тонким, почти прозрачным. Её собственное отражение в окне медленно повернуло голову – чуть раньше, чем она сама. Она замерла. Итан взглянул на это отражение и тихо сказал:

– Видишь? Оно не слушается тебя. Потому что теперь это не ты.

На следующее утро она проснулась от звонка Артёма. Он говорил быстро, возбуждённо, будто не спал всю ночь.

– Ты должна это видеть. Я нашёл старые плёнки, архивные. Там дом, тот же фасад, но снят почти сто лет назад.

– И что?

– На одном кадре – женщина. Вроде как модель для росписи.

– И?

– У неё твоё лицо, Мэри. Один в один.

Она молчала. Пальцы дрожали, когда она открывала ноутбук и принимала файл. На экране – зернистое изображение, но черты были узнаваемы до боли. Тот же изгиб губ, тот же взгляд. И в руках – кисть, та самая, которой она сейчас пользовалась в реставрации.

– Это невозможно, – выдохнула она.

– Я не знаю, – ответил Артём. – Но кажется, что ты была там. Давным-давно.

Днём они снова вернулись в особняк. Дом встретил их тишиной. Даже половицы не скрипели. Марта должна была быть на месте, но её сумка лежала на подоконнике, а сама она исчезла. Мэри осторожно осмотрелась. Воздух был неподвижен, как перед грозой. На полу возле зеркала – след каблука. Тот самый, старинный, как у женщины с фотографии. И рядом – капля воска от свечи. Хотя они не зажигали ничего.

– Может, она ушла? – предположил Артём.

– Нет, – сказала Мэри. – Дом забрал её.

Он хотел засмеяться, но не смог. Потому что в этот момент зеркало снова оживо. Сначала проступили очертания зала – но в нём никого не было. Потом – фигура Марты, стоящей вполоборота. Она смотрела на них, но глаза её были закрыты. Губы шевельнулись, складываясь в беззвучные слова. Артём включил запись. На экране камера показывала то же, но позади Марты теперь стоял кто-то ещё – силуэт в длинном пальто.

– Это он, – сказала Мэри. – Итан.

– Кто он вообще? – спросил Артём.

– Не знаю. Но он не враг. Он просто... не может уйти.

Поздно вечером, уже уходя, Мэри обернулась к дому в последний раз.

На фасаде, прямо над окнами второго этажа, едва заметно проступила надпись: «Вспомни нас.». Она остановилась, не в силах сделать шаг. Слова исчезли, как будто их смыл дождь, но ощущение чужого взгляда не отпускало.

Всю дорогу до дома она ловила своё отражение в витринах, в стёклах машин, в лужах. И в каждом отражении взгляд был чуть другим – будто кто-то примеряет её лицо, учится им пользоваться. Дома Мэри села на пол, открыла блокнот. Написала: «Я не уверена, кто я. Возможно, я не Мэри. Возможно, я – её отражение.». Чернила впитывались в бумагу, и на секунду ей показалось, что линии букв дрожат, как живые. Она положила ручку, подняла взгляд – и в зеркале напротив мелькнула тонкая тень, как от руки, проводящей по стеклу изнутри. Из глубины донёсся голос Итана:

– Ещё не поздно вспомнить. Но если вспомнишь – дорога обратно закроется.

Мэри закрыла глаза. В голове стоял запах старого дерева, мокрой краски, и тихий звон часов. Когда она открыла глаза, стрелки на её часах снова стояли на 4:13. За окном светало.

Она подошла к окну, глядя на дом напротив. В его верхнем этаже, там, где раньше никто не жил, горел свет. И на мгновение в окне отразилось небо – тусклое, серое, словно зеркало, потемневшее от времени.

В его глубине, точно в воде, медленно проступала фигура.

Он стоял спиной, но Мэри знала, кто это.

Пальцы сами дотронулись до стекла.

Между ними – только воздух.

И ощущение, что граница вот-вот растворится.

Глава 2. Дыхание стен

Дом дышит ночью – не сквозняком, а памятью стен, в их трещинах шепчется древний сон о живых и тенях. Под штукатуркой скрыт чей-то невидимый плен, и эхо шагов расцветает в зеркальных слоях.

Краска осыпается, будто сгорает век,

в каждом пятне – дыхание прошлого дня. Не смотри вниз, – говорит полумрак, – человек,

не тревожь тех, кто всё ещё ждёт меня.

Здесь время петляет, как струны старинных часов, их звон – то ли ветер, то ли чьё-то «постой».

Ты слышишь? Дом проснулся без слов,

и стены дышат чужой тоской. Молчи, когда отражение глядит, оно не копирует – оно хранит.

С самого утра в доме стоял странный запах – смесь влажной штукатурки, старого дерева и чего-то металлического, будто кровь давно пролилась где-то в глубине стен и впиталась в кирпич. Мэри с трудом открыла одно из окон в восточном крыле: створка закрипела, как если бы сопротивлялась самой идее свежего воздуха.

– Этот дом, кажется, дышит пылью, – пробормотала она, отступая на шаг.

Артём, сидевший рядом на полу с камерой и штативом, усмехнулся:

– У тебя всё время поэтические метафоры. Дышит дом, шепчет пол... Это профессиональная деформация реставратора?

– Скорее, защитная реакция, – ответила она. – Так проще, чем думать, что всё это просто гниёт.

Он пожал плечами и продолжил проверять объектив. У него всегда был этот рациональный взгляд на вещи – фиксировать, снимать, документировать. Для Мэри же каждый штрих, каждая трещина были не просто следами времени, а частью чьей-то истории. Иногда – слишком живой.

Сегодня она должна была начать расчистку росписи на южной стене гостиной. Под слоями известки проступал узор – тонкие линии, намёк на фигуры. Сначала казалось, что это просто орнамент, но чем дольше она смотрела, тем сильнее ощущала: рисунок словно двигается, как дыхание под кожей.

Она надела перчатки, аккуратно взяла скальпель, поддела край слоя.

Крошечные хлопья краски осыпались на пол. Под ними медленно проявлялась надпись, будто кто-то когда-то оставил её в спешке, царапая стену ногтями:

НЕ СМОТРИ ВНИЗ.

Мэри замерла. Несколько секунд не могла даже вдохнуть.

– Артём, посмотри.

Он подошёл, наклонился к стене, прищурился.

– Странно. Может, кто-то из рабочих решил пошутить?

– Под штукатуркой XVII века? – тихо сказала Мэри.

Он ничего не ответил. Только включил камеру и медленно навёл фокус.

– Зафиксирую. Потом проверим по архивам.

Мэри стояла, ощущая, как воздух вокруг словно стал тяжелее. Дом будто прислушивался. Каждый шорох, каждый их вдох отдавался слабым эхом. Снаружи налетел ветер, и одно из окон тихо хлопнуло. Ей почудилось, что стекло дрогнуло, словно кто-то провёл по нему пальцами.

– Здесь становится не по себе, – пробормотала она. – Такое чувство, будто мы нарушили покой.

– Это ты просто устала, – сказал Артём, не отрываясь от экрана. – Вчера мы тут до ночи возились. И потом – старые дома всегда так. Стоит начать ковырять их тайны, и кажется, будто они шепчут.

– А если шепчут на самом деле?

Он поднял глаза.

– Тогда ты первая, кто это услышит. У тебя ведь талант – находить то, что прячется.

Она не ответила. Её взгляд снова вернулся к надписи. Буквы были неровные, словно выцарапанные изнутри. И – это было нелепо, но она почти видела под ними отпечаток ладони. Маленькой. Детской.

В голове всплыл шёпот – не звук, скорее ощущение: *«Не смотри вниз.»*

Она вздрогнула и машинально подняла глаза к зеркалу, стоявшему напротив стены. Зеркало было накрыто тканью, но почему-то она знала: под покрывалом – движение.

– Артём, – тихо сказала Мэри. – Сними ткань.

– Зачем?

– Просто... я хочу посмотреть.

Он пожал плечами и дёрнул за край. Ткань соскользнула.

На мгновение отражение показалось обычным: она, Артём, стена за спиной. Но потом свет из окна дрогнул, и отражение исказилось – будто воздух в стекле сгустился. В зеркале Артём стоял чуть дальше, чем на самом деле. А позади Мэри, в глубине комнаты, будто кто-то прошёл. Едва различимый силуэт.

– Что за чёрт... – выдохнул он и поднял камеру.

На записи – никого. Только пыль, трещины, слабое мерцание света.

Мэри посмотрела в зеркало снова, но отражение уже было обычным. Только по краю стекла пробежала трещинка – тонкая, как волос, будто зеркало вздохнуло.

– Не снимай это больше, – сказала она резко. – Просто закрой.

– Да ладно тебе. Это же материал! Нам потом будет, что показать.

Но она уже отвернулась. Внутри что-то неприятно холодило, как будто слова на стене не просто предупреждали – они вспоминали.

К вечеру Мэри нашла ещё одно странное место – на потолке в западной зале, где краска вспучилась пузырями. Когда она сняла первый слой, изнутри донёсся тихий, едва уловимый звук – будто вздох. Она замерла, подняв голову.

– Артём! – крикнула она, но в ответ была только тишина.

Он ушёл снимать фасад. Звук повторился – протяжный, как дыхание. Стены будто живые, будто дом дышал ей в лицо. Мэри отступила и схватила фонарик. Луч света скользнул по старой лепнине, и ей показалось, что на мгновение орнамент дрогнул, как мышцы под кожей. Она зажмурилась, считая про себя: *раз, два, три...* Когда открыла глаза, всё было как прежде. Только воздух стал гуще, тяжелее. Она выключила фонарик и села на ступень лестницы. Из коридора донёсся стук – словно кто-то вбивал гвоздь в пол.

– Артём? – позвала она.

Ответом был тихий, протяжный скрип. И вдруг где-то в глубине дома заиграла музыка. Не громко – как будто старое пианино, расстроенное, с пересохшими струнами. Несколько нот, застрявших между тишиной и памятью. Мэри медленно поднялась, чувствуя, как сердце бьётся чаще.

Дом действительно дышал. И, кажется, теперь он слушал.

Ночь опустилась на особняк незаметно. Сумерки здесь будто впитывались в стены, а не ложились на них. Лампочка в коридоре мигала, и каждый её всплеск света казался дыханием чего-то невидимого. Мэри задержалась дольше, чем собиралась. Артём ушёл домой, пообещав с утра принести новые аккумуляторы для прожекторов. Она осталась, чтобы закончить расчищать часть фрески. Так спокойнее – когда вокруг нет разговоров, шагов, вспышек камеры. Только она, стены и тишина. Но тишина в этом доме никогда не была настоящей.

Сначала она услышала шорох – будто кто-то медленно проводил рукой по штукатурке. Потом – негромкий вздох. Она обернулась, но в коридоре никого. Тень от лестницы легла на стену, и Мэри на мгновение показалось, что она дрогнула.

– Не спать на работе, – шепнула она себе, натягивая перчатку.

И в тот же момент раздался звук. Тихий, хрупкий, как треск тонкого стекла. Она подняла взгляд. В зеркале напротив лестницы появилась трещина. Небольшая, но в ней отражение исказилось – словно в воде, куда бросили камень. Мэри подошла ближе. Зеркало было старое, с тёмной патиной по краям. В дневном свете оно казалось мутным, но сейчас, в полумраке, из глубины проступали очертания. Она различила комнату за своей спиной – тот же коридор, те же колонны. Но в отражении горели свечи. Настоящие, тёплые. И кто-то стоял у стены. Мужчина. Он был чуть в стороне, полуобернувшись. На нём – старинный камзол, высокий ворот, длинные рукава. В руках – часы на цепочке. Мэри застыла, не веря глазам.

– Артём? – прошептала, но голос прозвучал слишком тихо.

Фигура в зеркале медленно повернула голову. Лицо было в полутени, и только глаза – ясные, будто подсвеченные изнутри – смотрели прямо на неё.

– Ты пришла, – произнёс он.

Мэри отшатнулась.

– Кто... кто вы?

В отражении он чуть улыбнулся.

– Я думал, ты не вернёшься.

– Это чья-то запись? – попыталась рассудком ухватиться за реальность. – Старое видео, проекция?

– Нет. – Голос звучал так, будто его не произносили вслух – он просто возник в воздухе, прямо под кожей. – Просто дом снова открылся.

Мэри сделала шаг назад, но не смогла отвести взгляд. В зеркале мужчина приблизился. Теперь она видела: его кожа чуть прозрачна, как стекло, а на запястье блестят часы. Старинные, массивные, стрелки застыли на 4:13.

– Что тебе нужно? – прошептала она.

– Не мне. – Его улыбка побледнела. – Тебе.

Он коснулся стекла изнутри. Поверхность дрогнула, как поверхность воды. Мэри машинально вытянула руку – и в тот миг холод коснулся её пальцев. Настоящий, ледяной. Она резко отдернула ладонь, но на коже остался след – будто иней.

– Ты... ты не настоящий, – сказала она, отступая. – Ты иллюзия.

Он покачал головой.

– Иногда иллюзии живут дольше людей.

Трещина на зеркале стала длиннее. Воздух в комнате густел, свечи – нет, лампочка – вдруг загорелась ровнее, будто кто-то стоял рядом.

– Кто ты? – спросила она.

– Тот, кто помнит, как ты умерла.

Слова ударили тише грома. На мгновение всё стихло. Даже дом будто перестал дышать. Мэри замерла, чувствуя, как холод поднимается по позвоночнику.

– Что ты сказал?..

Но отражение уже тускнело. Мужчина отступил, его фигура расплылась, как тень на воде. Лишь стрелки часов блеснули в последний раз – и всё исчезло.

Мэри стояла неподвижно, слыша только собственное дыхание. Потом медленно опустила взгляд – и заметила у ног едва заметные следы влаги. На полу, перед зеркалом, проступил отпечаток мужских ботинок, ведущий в никуда. На следующее утро Артём нашёл её у стены, сидящей прямо на полу. Зеркало снова было целым, без трещин.

– Ты что, тут ночевала? – удивился он.

Мэри долго смотрела на него, будто не могла понять, где находится. Потом тихо сказала:

– Артём... а если отражения тоже могут помнить?

Он усмехнулся:

– Тогда, может, и мы когда-то были их отражениями.

Она не улыбнулась. Просто посмотрела в сторону зеркала. В отражении на миг мелькнула тень – едва различимая, с серебристым блеском часов на запястье. И дом, казалось, снова тихо выдохнул. После встречи с зеркалом Мэри долго не могла прийти в себя. Всё утро она провела в тишине, осторожно касаясь стен, будто боялась спугнуть невидимое дыхание дома. Солнечные лучи, пробиваясь сквозь тяжёлые гардины, ложились на пыльный пол мягкими полосами, и пыль в них кружилась, как крошечные золотые насекомые. В воздухе стоял запах извести, старого дерева и времени, которое не умеет уходить. Ей казалось, что даже свет здесь двигался медленнее. Когда Артём вошёл с камерой и кофе в бумажном стакане, она вздрогнула, словно из сна.

– Ты бледная, как меловая доска, – сказал он, включая фонарь на шлеме. – Опять работала всю ночь?

– Нет, – ответила она тихо. – Просто... не спала.

– Кошмары?

Она посмотрела в сторону зеркала, стоявшего у стены. – Можно и так сказать.

Артём щёлкнул объективом камеры, осматривая зал.

– Надо будет это записать для отчёта. Слышишь? Даже эхо здесь другое.

– Дом не любит, когда его снимают, – сказала она, и только после этих слов осознала, как странно они прозвучали.

Артём рассмеялся. – О, началось. Ещё чуть-чуть – и ты станешь верить в привидения.

Но Мэри не улыбнулась. Солнечный свет, проходя через пыль, вырисовывал на полу едва заметные узоры, похожие на надписи. Она присела, провела пальцем по следу – буквы исчезли, но под пальцами остался странный холод. Внутри дома было ощущение присутствия: будто стены ждали, пока кто-то заговорит первым.

После обеда она поднялась в восточное крыло. Там, за закрытой дверью, когда-то была музыкальная гостиная. Доски пола прогибались под ногами, потолок украшала треснувшая

лепнина с позолотой. Через разбитое окно тянуло осенним воздухом – запахом мокрых листьев, железа и далёкого костра. Где-то за стеной послышался короткий звон – будто удар по струне.

Мэри замерла. Звук повторился, и теперь она поняла – это пианино. Тихий, почти нереальный аккорд, словно пальцы, давно забывшие музыку, всё ещё помнили одну мелодию. Она подошла к инструменту, стоявшему в углу, и провела рукой по крышке, оставляя след в пыли. Дерево было сухим, покрытым трещинами, но под пальцами казалось тёплым.

– Итан? – прошептала она, сама не понимая, зачем.

Ответом было дрожание воздуха. Она подняла взгляд – и увидела, как зеркало над камином снова темнеет, как будто кто-то подошёл к нему с другой стороны. Отражение комнаты исказилось, и на секунду она увидела того же мужчину. Он стоял в том же положении, но теперь его взгляд был направлен прямо на неё. Свет из окна падал на его лицо, и Мэри впервые разглядела детали – высокий лоб, тонкие скулы, глаза цвета старого янтаря. Волосы, чуть волнистые, спадали на ворот рубашки, а в движении его головы было что-то старомодное, чуждое нашему времени.

– Я знал, что ты вернёшься, – произнёс он, не открывая рта. Голос словно шёл из самой поверхности зеркала, мягкий и прозрачный, как дыхание.

– Почему ты зовёшь меня так? – спросила Мэри. – Я не знаю тебя.

Он улыбнулся с лёгкой грустью. – А я знаю каждую твою тень.

Она почувствовала, как дрожь пробежала по коже. – Что тебе нужно от меня?

– Чтобы ты услышала дом. Он помнит тебя, даже если ты – нет.

Слова прозвучали как заклинание. Дом будто ответил на них: в дальнем конце зала посыпалась штукатурка, послышался слабый вздох ветра, хотя окна были закрыты. Мэри обернулась – в зеркале за её спиной стоял ребёнок. Девочка лет семи, в белом платье, с распущенными волосами. Она держала в руках цветок, похожий на засохшую розу.

Мэри сделала шаг ближе, но отражение ребёнка исчезло, как выдох. Только роза осталась на полу у её ног – настоящая, пахнущая влажной землёй.

Сердце колотилось, но страх уступал место странному чувству узнавания. Всё происходящее будто уже было когда-то. Возможно, в другой жизни, или во сне, который она давно забыла.

Она подняла цветок и положила его на крышку пианино. Струны тихо откликнулись коротким аккордом, похожим на вздох.

– Ты чувствуешь это, да? – шепнула она. – Дом живой.

Артём, стоявший у двери, только покачал головой.

– У тебя от пыли галлюцинации, – сказал он, не глядя. – Я подключу датчики влажности, и на этом всё.

Мэри ничего не ответила. Она смотрела в окно, где осенние листья падали медленно, почти церемонно, будто каждый из них тоже был частью старого ритуала. Дом за её спиной будто слушал этот шорох листвы, и каждый звук отбрасывал в воздух лёгкую вибрацию.

Позже, уже вечером, когда Артём уехал, она осталась одна. В коридорах стояла густая тишина, но дом не спал – он жил, дышал, наблюдал. С потолка капала вода, где-то скрипела дверь, а под ногами что-то ритмично стучало, будто под землёй работал огромный маятник.

Мэри подошла к зеркалу в библиотеке. Теперь отражение было спокойным, только в глубине стекла пробежала едва заметная волна света. Она дотронулась до поверхности, и в этот момент воздух вокруг наполнился звуками – приглушёнными, будто кто-то играл в соседней комнате. Музыка шла из глубины зеркала: старая мелодия, печальная, но до боли знакомая.

Она прикрыла глаза, позволив себе вдохнуть этот звук, и в тот миг почувствовала лёгкое прикосновение к плечу. Открыв глаза, она увидела его – Итана, стоящего рядом. На этот раз не в зеркале, а рядом, словно шагнувшего из отражения. Он был почти прозрачен, но отчётливо видимый. Свет проходил сквозь него, оставляя в воздухе серебристый след.

– Я сказал тебе не смотреть вниз, – прошептал он, и в голосе его была тревога.

– Почему? – спросила она, чувствуя, как слова выходят из горла с трудом.

– Потому что там начинается то, что не должно помнить.

Он исчез так же внезапно, как появился. Воздух вокруг мгновенно стал тяжелее, и дом, казалось, задержал дыхание. Мэри стояла неподвижно, пока часы на стене не пробили четыре – то самое время, когда стрелки на его запястье всегда замирали.

Она подняла голову. В зеркале отразилась только она, и в её глазах мелькнуло что-то новое – не страх, а любопытство. Дом говорил с ней, и она собиралась ответить.

Вечер медленно погружался в ночь, как старое фото в проявитель, и цвета вокруг становились глубже, насыщеннее, будто сама тьма заполняла каждую трещину, каждый шов между камнями. Мэри сидела на ступеньках у лестницы и слушала, как в доме постепенно стихает день. Где-то наверху хлопнула дверь – ветер или память, она уже не знала. Из окон тянуло прохладой, и шторы колыхались, словно дышали. На улице шел дождь – тихий, ровный, осенний. Капли скользили по стеклу, оставляя на нём прозрачные нити, и в каждой отражался свет настольной лампы, превращаясь в крошечные янтарные точки.

Она не спешила уходить, хотя знала, что пора. Снаружи город жил своей жизнью: машины, свет витрин, люди с зонтами. Но дом тянул её, как магнит. В его дыхании было что-то личное, интимное, будто он узнавал её шаги, и каждая доска пола отзывалась тихим стоном приветствия. Мэри встала и пошла по коридору, следуя за звуком – тем самым, что слышала днём: слабый ритмичный стук, похожий на сердцебиение. Он доносился снизу, из подвала, куда никто не заходил.

Лестница вниз начиналась за узкой дверью, скрытой за гобеленом. Она отодвинула ткань, и из-за неё пахло сыростью и железом. Вниз вела крутая каменная лестница, почти лишённая света. С потолка свисали толстые паутины, и воздух был прохладным, влажным, с оттенком старой извести и плесени. Шаги отдавались эхом, и с каждым шагом Мэри всё сильнее чувствовала странную дрожь под ногами, будто дом жил, а его сердце било где-то под землёй.

Подвал встретил её полумраком. Единственное окно под потолком пропускало слабый, голубоватый свет, разбивающийся на пыльные столбы. На стенах виднелись следы старой росписи – обрывки букв, узоры, похожие на витиеватые символы. В центре стоял круглый стол, накрытый брезентом, а на нём – разбросанные инструменты реставрации, оставленные, вероятно, кем-то из рабочих. Она подняла фонарь, направив свет на дальнюю стену, и замерла. Под слоями серой штукатурки что-то проступало.

Она подошла ближе и аккуратно провела шпателем по поверхности. Слой краски отвалился, открывая тёмные буквы. Надпись была неровной, будто сделанной дрожащей рукой: *«Не смотри вниз.»* Сердце пропустило удар. Под словами виднелись следы пальцев – кто-то писал их прямо по сырой стене.

Мэри стояла неподвижно, чувствуя, как по спине пробегает холод. Она вспомнила голос Итана – «не смотри вниз» – и теперь эти слова отозвались в стене, будто кто-то другой повторил их шёпотом. В подвале стало темнее. Фонарь мигнул, и на секунду свет уловил что-то у пола: чёрная тень, похожая на силуэт человека, медленно скользнула вдоль стены и растворилась в углу.

Она сделала шаг назад, едва не задела стол. Со стола упала кисть, ударилась о пол, и в этот момент в воздухе возник тихий звук – будто кто-то вздохнул рядом. Мэри повернула голову – и увидела зеркало. Маленькое, овальное, в резной бронзовой раме. Оно висело в нише,

покрытой паутиной, и казалось, что стекло внутри живёт собственной жизнью: в нём двигался свет, словно изнутри, как дыхание.

Она подняла зеркало, смахнула пыль. Отражение было мутным, словно застывшим в дымке. Но чем дольше она смотрела, тем яснее проступали контуры комнаты – не этой, другой: освещённой свечами, с картинами на стенах, и в центре стояла женщина в старинном платье, похожая на Мэри. Та женщина держала в руках кисть и писала на стене те же самые слова – «не смотри вниз.»

От испуга Мэри выронила зеркало. Оно упало на пол, не разбившись, но из трещины на стекле побежала тонкая линия света, и по полу прошла вибрация, как будто что-то в глубине дома проснулось. Потолок тихо застонал, посыпалась пыль.

Мэри отступила к лестнице, но остановилась: ей показалось, что из тьмы кто-то зовёт её по имени. Голос был тихим, детским. Она повернулась – никого. Только звук – лёгкий, как дыхание. И вдруг на стене снова проявились буквы. Теперь рядом с прежней надписью проступило новое слово, словно написанное невидимой рукой: «*Ты вернулась.*»

Мэри прижала ладонь к груди. Сердце билось неровно, а воздух в подвале становился гуще, почти осязаемым, как вода. Дом шептал, и каждый его звук имел смысл, который пока не поддавался расшифровке. Вдалеке, наверху, хлопнула дверь – или это просто ветер. Но когда она поднялась по лестнице, ей показалось, что за спиной кто-то идёт следом, ступая мягко, почти неслышно.

Наверху всё было по-прежнему – пыль, сумерки, отражения. Но с того момента дом стал другим. Звуки, которые раньше казались просто скрипами старого дерева, теперь складывались в интонации. Каждый вздох ветра казался ответом на её мысли. Даже свет лампы, казалось, реагировал на её дыхание.

Когда она закрыла дверь подвала, тишина дома изменилась – в ней появилось напряжение, ожидание, будто за стенами кто-то затаил дыхание. Мэри стояла у окна и смотрела на дождь. Капли стекали по стеклу, разбиваясь на бесчисленные дорожки, и в каждой отражалась её усталое лицо. В этом отражении на миг мелькнула другая тень – знакомая фигура с янтарными глазами.

– Я предупреждал, – сказал Итан, не появляясь полностью. Его голос звучал откуда-то из отражения. – Теперь дом помнит слишком много.

– Что ты имеешь в виду? – спросила Мэри. – Что я сделала?

– Ты открыла то, что спало. Теперь оно будет говорить.

И он исчез, оставив после себя только лёгкое колебание воздуха и запах старого дерева. Мэри стояла неподвижно, пока сердце не успокоилось. Она знала, что больше не сможет уйти. Дом держал её, и чем сильнее она пыталась понять его прошлое, тем глубже он втягивал её в свою память.

Она не знала, что за зеркалом в подвале кто-то действительно шевельнулся – тень, медленно поднимающая голову, как будто наконец услышала зов.

Мэри осталась одна в большом зале, где воздух был плотным, будто напитанным сном. Время здесь будто двигалось неравномерно – секунды растягивались, звуки затихали в середине, и каждый её шаг отдавался двойным эхом, словно за ней шёл кто-то невидимый. Свет от лампы колебался, отражаясь в стекле старинного буфета, и в каждом блике она видела кусочек другого мира: смех, свечи, кого-то, идущего по лестнице в платье из тончайшего кружева. Всё это длилось миг, но внутри Мэри вспыхнуло узнавание – без объяснений, без памяти, просто тихая уверенность, что она уже стояла в этом доме, много лет назад, в другом времени.

Она подошла к окну, коснулась холодного стекла. Снаружи дождь перешёл в мелкую изморось, и над садом поднялся лёгкий туман. Деревья за окном напоминали фигуры людей, остановившихся в странных позах, и ветер заставлял их медленно качаться, как будто они шептались между собой. Сад за домом был заросший, но в этой запущенности чувствовалась

не заброшенность, а сон – как будто дом и сад вместе дышали во сне, ожидая, когда кто-то их разбудит.

В библиотеке, куда она вошла, пахло бумагой и старой пылью. Полки уходили в темноту, и в свете фонаря корешки книг блестели, как влажные камни. Она взяла наугад одну – переплёт был потрескавшийся, но внутри страницы оказались неожиданно свежими, будто их недавно перелистывали. На полях – надписи старинным почерком, знакомым и чужим одновременно. Слова, написанные рукой женщины: *«Не доверяй зеркалам. Они не помнят правду, только страх.»* Мэри провела пальцем по строчке, и чернила чуть поблёкли, как будто слово «страх» не хотело быть произнесённым.

На столе лежала раскрытая тетрадь Артёма, где он вёл заметки о ходе реставрации. Его почерк был чёткий, угловатый. *«Акустика здания нестабильна. Шум не фиксируется приборами, но слышен на слух. Возможна резонансная частота стен? Проверить датчики.»* Под этим кто-то добавил тонкими чернилами: *«Не ищи причину в камне. Дом живёт. Дом слушает.»* – и этот текст явно не принадлежал Артёму.

Она услышала тихий шелест за спиной и обернулась. На полу у кресла, прямо рядом с её ногами, лежала белая лента. Её края были обуглены, а на поверхности виднелись буквы, выведенные чернилами: *«Ты снова в доме.»* Лента исчезла, стоило Мэри моргнуть, но в её пальцах остался запах – сухой, тёплый, с привкусом воска и чего-то сладковатого, почти как засохшие цветы.

Снаружи гром ударил так, что дом дрогнул. С потолка посыпалась известь, лампа качнулась. Мэри бросилась к стене, удерживая зеркало, чтобы оно не упало. В глубине стекла промелькнуло чьё-то лицо – не Итан, не ребёнок, кто-то другой. Черты были смутны, но глаза светились золотом. Оно смотрело не на неё, а *через* неё, словно за её спиной происходило что-то, чего она не видела.

– Кто ты? – прошептала она.

В ответ – тишина. Только вода стекала с крыши, и каждый звук эхом откликался в стенах.

Она заметила, что на поверхности зеркала появились круги – как от дыхания. На стекле проступили слова, будто выцарапанные изнутри: *«Под лестницей. Найди.»*

Мэри отступила, дыхание сбилось. Под лестницей? Там, где она только что проходила? Сердце стучало глухо, в ушах шумело. Она вышла из библиотеки и остановилась у лестницы, ведущей на второй этаж. Внизу действительно был небольшой проём, закрытый резной панелью. Пыльная, но с едва заметной линией – будто её недавно двигали.

Она присела, надавила на край. Панель тихо поддалась, открывая узкое пространство. За ней – деревянная коробка, покрытая паутиной. Она осторожно достала её и поставила на пол. Замок был ржавый, но поддался. Внутри – старинные ноты, исписанные вручную чернилами, и маленький портрет, выцветший от времени. Женщина на портрете была как две капли воды похожа на неё.

На обороте – подпись: *«Для М.»*

Мэри с трудом вдохнула. В этот момент дом будто сдвинулся – пол под ногами чуть дрогнул, люстра качнулась, и из стен раздался тихий гул, похожий на низкий аккорд органа. Ей показалось, что стены дышат вместе с ней.

Она закрыла глаза. В ушах звучала мелодия – тихая, почти неслышимая, но знакомая до боли. Каждая нота отзывалась внутри, словно часть её самой. В памяти вспыхнуло что-то – зал, свечи, музыка, тени, и Итан рядом, наклоняющийся к ней, шепчущий на ухо: *«Не позволяй им петь. Они помнят, как ты ушла.»*

Мэри резко открыла глаза. В зеркале напротив лестницы отразился огонь свечей, хотя в доме не было ни одной зажжённой. Воздух потяжелел, пахнул воском и пеплом. Она слышала, как наверху кто-то идёт – лёгкие, осторожные шаги. Может, Артём вернулся? Но шаги были слишком ровные, слишком ритмичные, как у танцора, повторяющего старую партию.

Она медленно поднялась по ступеням. На площадке стояла фигура. Свет был слаб, но она видела белое платье, распущенные волосы и лицо, бледное, как пергамент. Девочка смотрела прямо на неё, не мигая, а за её спиной в зеркале стоял Итан. Он не двигался, только смотрел вниз, на ту самую надпись под краской.

– Они поют, – сказала девочка, голосом, едва слышным, как дыхание. – И скоро ты вспомнишь слова.

Мэри не успела спросить, какие слова. Свет мигнул, и всё исчезло – девочка, Итан, отражение. Остался только запах старого дерева и гулкий ритм капель, падающих где-то в глубине дома. Дом замер, но не успокоился. Он ждал, как живое существо, дышащее в темноте, и она чувствовала это каждой клеткой – с этого мгновения между ними уже не было границы.

Ночь опустилась на дом так тихо, что даже ветер будто не решался шевельнуть ветви. В старых окнах отражался слабый свет фонаря, и этот свет дрожал, будто пламя свечи, зажатое в холодных пальцах. Мэри сидела у стола, окружённая стопками бумаг, фрагментами старинных рам и инструментами для реставрации. Её руки были в пыли и следах краски, волосы слегка растрёпаны – весь день она провела, пытаясь очистить очередную стену от слоёв времени. Под пальцами ощущалась шероховатость штукатурки, и каждый миллиметр поверхности будто сопротивлялся, не желая раскрывать свои тайны. За окном дождь превратился в мелкое шуршание, словно кто-то осторожно перелистывал страницы огромной книги.

Она остановилась, когда заметила в центре стены лёгкое пятно, чуть темнее остальных. Провела по нему кистью, и на поверхность, из-под бледной краски, начали проступать буквы – неравномерные, будто выцарапанные чем-то острым: «*Не смотри вниз.*» Слова были холодны, будто их недавно вырезали по живой поверхности. Мэри замерла. Сердце кольнуло неприятным ощущением – не страхом, а осознанием, что это послание было обращено лично к ней. Она медленно подняла глаза и посмотрела в зеркало, висевшее напротив. На мгновение показалось, что отражение не совпадает – свет падал по-другому, тень на щеке была глубже, чем должна быть.

Сквозь стекло пробежала рябь, как по воде, и в глубине зеркала, среди отражённых теней комнаты, проступила фигура Итана. Он стоял, словно внутри зеркала, будто в другой комнате, но с теми же стенами, тем же окном. Его взгляд был спокоен, но глаза – необычайно тёмные, как будто в них плыло небо перед грозой. На нём был тёмный скюртук с потёртым воротником, и часы на запястье остановились – стрелки показывали 4:13.

– Ты всё-таки нашла, – тихо сказал он, не двигая губами.

Мэри ощутила, как воздух вокруг стал плотнее.

– Что это значит? – спросила она, но голос прозвучал глухо, будто слова утонули в воздухе между ними.

– Не смотри вниз, – повторил он, и его голос эхом прошёл по комнате, отражаясь от стен. – Это предупреждение. Ты уже начинала падать, когда ушла в прошлый раз.

Мэри шагнула ближе к зеркалу. Поверхность дрогнула, и ей показалось, что она чувствует тепло от его ладони, хотя между ними было стекло.

– Я тебя не помню, – прошептала она.

– Но дом помнит, – ответил он. – Он всё хранит. Даже то, что лучше было бы забыть.

За окном внезапно ударил гром. Дом вздрогнул, как живое тело, и из-под пола послышался низкий, протяжный звук, похожий на дыхание. По стенам пробежали едва заметные трещины, и из одной из них вытекла тонкая нить влаги – словно дом плакал. Мэри отпрянула, а Итан в зеркале остался неподвижен. Он выглядел бледнее, чем прежде, как будто свет уходил из него вместе с её страхом.

– Почему я здесь? – спросила она.

– Потому что ты вернулась, – ответил он, глядя прямо в неё. – И теперь дом просыпается.

В этот миг лампа на столе погасла. Комнату залил лунный свет, серебряный и холодный. Он ложился на стены так, будто кто-то нарочно подсветил надпись: *«Не смотри вниз.»* Мэри сделала шаг назад и нечаянно взглянула на пол. Тени вокруг вытянулись, сплелись в причудливые узоры, и среди них она увидела очертания – женская фигура, склонившаяся над чем-то, возможно, над ребёнком. Сердце сжалось, и в груди отозвалась слабая боль.

Она опустила на колени и коснулась пола – он был тёплый, словно под ним билось сердце. Снизу донёсся глухой стук, похожий на медленный пульс. Мэри поспешно отдернула руку и поднялась. В зеркале отражение снова дрогнуло – теперь в нём не было Итана, но вместо него появилось нечто другое. Сначала – просто свет, разлитый, как жидкость, потом – тень, силуэт, который не принадлежал никому. Оно двигалось неровно, будто изломано временем, и при этом сохраняло странную изящность.

Она чувствовала, что взгляд этого существа, невидимого напрямую, всё же ошутим. Внутри головы раздался тихий шёпот – не слова, а ритм, похожий на дыхание. *Ты видишь, но не должна. Смотри только туда, где дом разрешает.* Мэри прижала ладони к вискам, но звук не стих. Он проникал в сознание, как отголосок далёкой мелодии.

А потом всё вдруг оборвалось. Лампа вспыхнула вновь, тени отступили, и дом будто снова стал просто домом – с пыльными углами, скрипучим полом и запахом старой древесины. Мэри стояла в центре комнаты, тяжело дыша, чувствуя, как внутри всё ещё дрожит невидимая вибрация. Она посмотрела на зеркало – теперь оно было обычным. Только на стекле, в самом углу, остался тонкий след – отпечаток ладони, похожий на её собственный, но чуть меньше.

Она вытерла его рукавом и услышала, как где-то наверху снова скрипнула дверь. Дом не спал. Он наблюдал. И где-то в глубине, среди слоёв его памяти, Итан ждал, чтобы она вспомнила, почему когда-то ушла.

Мэри поднялась по лестнице, стараясь не смотреть по сторонам. Каждый шаг отзывался тихим, вязким эхом, будто ступени не были из дерева, а из чего-то живого, впитывающего звук. Вверху, в полумраке, коридор расходился в две стороны. Слева – слабый запах ладанки, старой мебели и влажной пыли. Справа – прохладный сквозняк и почти неразличимый свет, будто кто-то оставил за дверью свечу. Мэри выбрала свет. Внутри всё подсказывало, что именно там – ответ, хотя разум шептал: *остановись.*

Комната оказалась детской. Потемневшие обои с выцветшими цветами, деревянная кровать с отколотой ножкой, плюшевый мишка без глаза. На подоконнике – несколько стеклянных шаров с миниатюрными сценками: заснеженные деревья, крошечный дом, фигурка ребёнка в красном пальто. Мэри осторожно взяла один шар. Внутри, среди пластикового снега, ребёнок двигался. Он повернул голову и посмотрел на неё.

Шар выпал из её рук. Стекло разбилось, и снег растёкся по полу, превратившись в белую пыль. В ту же секунду сквозняк стих, воздух застыл. Из зеркала на стене – старинного, с позолоченной рамой – донёсся тихий смех. Он звучал как дыхание ветра, но в нём было что-то человеческое, детское и слишком живое.

Мэри обернулась. В зеркале мелькнула тень ребёнка – девочка лет восьми, в платье с кружевным воротником. Волосы, будто намокшие, прилипли к щекам. Она стояла на той же кровати, на которую Мэри смотрела мгновение назад. Губы девочки шевелились, но звука не было. Только лёгкое дрожание воздуха. Мэри подошла ближе, чувствуя, как холод стелется от зеркала по полу, как дыхание зимы.

– Ты... здесь живёшь? – прошептала она.

Девочка моргнула, медленно кивнула и прижала палец к губам.

– Кто ты? – Мэри чувствовала, что сердце бьётся слишком громко.

Из зеркала послышался голос – тихий, шепчущий, как будто говорили одновременно издалека и рядом:

– Не смотри вниз.

Мэри отпрянула. В тот же миг зеркало дрогнуло, и на его поверхности появилась тонкая трещина. Из неё выступила капля влаги, потом вторая. Они скользнули вниз, оставляя за собой след, похожий на слезу.

Девочка в зеркале исчезла.

Мэри вышла из комнаты, чувствуя, что дом изменился. Коридор стал длиннее, стены словно отодвинулись, а свет лампы стал тусклее. Она шла, но каждый шаг будто отнимал у неё дыхание. На мгновение показалось, что позади слышится тихий шорох – не просто звук шагов, а шелест платьев, перешёптывание голосов, давно забытых.

Когда она дошла до лестницы, то поняла, что спускаться вниз ей не хочется. На перилах лежал тонкий слой пыли, но посреди него – след руки. Маленькой, будто детской. Она смотрела на него, и с каждым мгновением след становился свежее, будто кто-то только что провёл по дереву пальцами.

– Артём? – позвала она, но дом ответил только скрипом половиц.

Она быстро спустилась, цепляясь за перила. Внизу, в холле, горела только одна лампа. Тусклый свет едва касался стен, и казалось, что мрак дышит прямо за её спиной. Мэри нащупала сумку, достала телефон – батарея почти разряжена. Она включила камеру, направила объектив на зеркало в конце коридора. На экране, вместо пустого отражения, на секунду мелькнул Итан. Он стоял прямо за её спиной.

– Ты не должна была туда подниматься, – произнёс он спокойно. – Дом не любит, когда нарушают его тишину.

– Я... я видела ребёнка.

– Ты видела память, – ответил он. – Здесь нет детей. Остались только их тени.

Он сделал шаг ближе. В отражении между ними будто проскользнул свет свечи – живой, дрожащий. Мэри ощутила, как что-то в груди отозвалось странным теплом и болью одновременно. Ей хотелось спросить – *кто ты на самом деле*, – но слова застряли. Итан чуть улыбнулся, как будто услышал её невысказанное.

– Когда ты начнёшь вспоминать, дом изменится, – сказал он. – И тогда тебе придётся выбрать: остаться здесь или уйти навсегда.

– Но я не помню, что было, – Мэри качнула головой. – Я просто хочу закончить работу и уйти.

– Дом не отпускает тех, кто его пробудил.

В этот момент из верхнего этажа донёсся глухой звук – словно кто-то уронил тяжёлый предмет. Потом – шаги. Медленные, ровные, будто кто-то шёл по коридору, останавливаясь у каждой двери. Мэри и Итан оба посмотрели в сторону лестницы. В зеркале за его спиной отражался пустой проём, но в глубине, в самой тени, на секунду сверкнули глаза – не человеческие, а зеркальные, как отполированные осколки.

Мэри почувствовала, как в животе сжался холод.

– Кто это? – прошептала она.

Итан ответил не сразу.

– Дом вспоминает всех, кто был ему нужен.

Шаги смолкли. Тишина стала густой, вязкой, будто в воздухе растворился дым. Мэри выдохнула и сделала шаг к двери, ведущей в холл. За стеклом раздался тихий, почти неразличимый звук – звон часов. Те самые старинные часы на руке Итана, замершие на 4:13, вдруг дрогнули. Стрелка дёрнулась, и воздух наполнился звоном, похожим на сигнал из другого времени.

Мэри закрыла глаза. Веки покалывало, как от слепящего света, хотя лампа едва горела. Когда она снова посмотрела, Итана в зеркале не было. Остался только её собственный силуэт – бледный, испуганный, но... немного другой. Отражение слегка улыбалось.

Она резко отступила. Стукнула каблуком о доску – пол ответил сухим треском. Снаружи, за окнами, снова пошёл дождь. Длинные капли катились по стеклу, оставляя следы, похожие на письма. И на мгновение Мэри показалось, что на стекле проступают те же слова, что она видела под краской: *Не смотри вниз*.

Ветер пробежал по дому, как дыхание кого-то огромного и древнего. Доски на потолке застонали. Мэри подошла к окну, прижала ладонь к холодному стеклу и прошептала:

– Я не боюсь.

Дом не ответил. Только из глубины, откуда-то из подвала, донёсся едва различимый звук, похожий на тихий вздох.

Глава 3. Второе отражение

Иногда зеркало становится дверью, если смотреть в него слишком долго. Дом знает это и потому никогда не закрывает глаза. В полутьме коридоров отражения множатся – одно дышит рядом, другое запаздывает на миг, третье живёт своей жизнью, тихо наблюдая за теми, кто забыл, что тени тоже имеют память. На стене висит картина – портрет молодой женщины в платье цвета утреннего тумана. Когда-то её звали Элиза, но теперь имя стёрто, будто его никогда не существовало. Вечерами глаза на портрете кажутся живыми – взгляд скользит вслед проходящим, чуть дрожит на свету, как отблеск свечи. Сегодня, в этом зыбком полусне дома, глаза стали другими – серыми, внимательными, человеческими. Это глаза Мэри. Тишина становится зеркалом, в котором отражается не она, а кто-то другой, стоящий на том же месте. И если долго всматриваться, различишь едва заметную улыбку – ту, что появляется только у тех, кто что-то вспомнил.

Мэри проснулась от едва уловимого запаха – смеси масла, старой краски и влажной пыли. Воздух был густым, будто пропитан временем, и, когда она вдохнула глубже, в нём проступил слабый аромат лаванды, знакомый и почему-то тревожный. Внизу глухо скрипнули половицы – наверное, Артём уже был на месте. Она с трудом поднялась, поправила волосы, перехватила резинкой тёмные пряди, задела случайно кисточку, оставшуюся на тумбе, – та упала, оставив на полу тонкую чёрную линию, как трещину.

В зале, где они вчера работали, утренний свет был тусклым. Окна затянуло лёгкой дымкой, словно стекло дышало. На стенах, очищенных до грунта, проступали старые узоры – фрагменты фрески, где изломанные линии и следы золота ещё помнили руки тех, кто создавал их полтора века назад. Артём сидел у штатива, проверяя баланс света. Камера стояла напротив старинной картины, найденной ими под слоями пыли и холста. Он даже не обернулся, когда Мэри вошла.

– Утро доброе, – сказала она, тихо, чтобы не спугнуть ту редкую концентрацию, в которой он всегда пребывал, когда что-то настраивал.

– Доброе, – отозвался Артём, не отрывая взгляда от экрана. – Только не знаю, доброе ли оно для этой картины.

Мэри подошла ближе. На полотне была изображена молодая женщина. Кожа – почти прозрачная, волосы тёмные, собранные в мягкий узел, на губах – след не то улыбки, не то печали. Весь образ будто создан, чтобы притягивать взгляд, и чем дольше Мэри смотрела, тем сильнее ощущала странное беспокойство.

– Вчера я не видела у неё такого взгляда, – произнесла Мэри и протянула руку к картине, почти касаясь поверхности пальцами.

– Я тоже, – Артём щёлкнул затвором камеры. – Но посмотри сама.

На экране появилось изображение – то же самое полотно, но глаза женщины... они казались другими. Не просто живыми – осмысленными, как будто кто-то изнутри смотрел на них. Артём увеличил фрагмент. Зрачки чуть смещены, взгляд направлен не прямо, а чуть в сторону, будто женщина на картине видела кого-то рядом.

– Это оптический эффект, – попыталась объяснить Мэри, хотя сама себе не поверила. – Старый лак, игра света, пыль.

– Или кто-то подкрался к холсту ночью, – усмехнулся Артём, но в голосе его звучала настороженность.

Мэри наклонилась, разглядывая поверхность. Холст был старый, с микротрещинами, но мазки будто изменились. В уголке губ появился намёк на улыбку, которой вчера не было. Её пальцы дрожали, когда она провела кистью по нижней границе рамы. Из-под слоя пыли выглянуло крошечное пятно – отпечаток пальца, свежий, будто кто-то недавно держался за край.

– Здесь кто-то был, – тихо сказала она. – И совсем недавно.

С улицы донёсся звук – будто кто-то прошёл мимо окон. Тень скользнула по стене, пересекла картину и исчезла. Артём резко обернулся, схватив камеру.

– Видела?

– Да, – коротко ответила Мэри. Её дыхание стало неровным.

Они ждали несколько секунд, но ничего не произошло. Только дом шумел своим обычным утренним шёпотом – потрескивание досок, капли из трубы, далёкий стук ветра. Артём пожал плечами и снова повернулся к камере.

– Психологический эффект. Мы просто устали.

Мэри молча кивнула, но взгляд её оставался прикованным к картине. Казалось, глаза женщины теперь следили не за Артёмом, а за ней. В них проступало что-то болезненно знакомое – тот же серый оттенок, который Мэри видела в зеркале утром, когда мыла руки.

День шёл, но в доме не становилось светлее. К обеду небо затянуло, и дождь начал стучать по стеклу, как по тонкому металлу. Мэри сидела на полу, разбирая старые тюбики и баночки с растворителями, когда Артём вдруг произнёс:

– Знаешь, я не хотел тебе раньше говорить, но эта комната – особенная. По архивам, в ней когда-то нашли тело.

Мэри подняла голову.

– Чьё?

– Женщины. Художницы. Говорят, она писала портрет, но не успела закончить. Когда её нашли, полотно стояло на мольберте – и на нём было её собственное лицо.

Слова будто отозвались эхом в пустоте комнаты. Мэри почувствовала, как воздух стал плотнее, будто между ней и стенами возникла невидимая преграда. Она не знала, что сказать. История звучала как легенда, но в этом доме любая легенда могла оказаться памятью.

– И ты решил сказать мне это только сейчас?

– Ты бы всё равно не ушла, – спокойно ответил Артём. – Ты не из тех, кто бросает дело на середине.

Он снова поднял камеру и сделал снимок. Щёлкнул затвор, короткий всполох света – и в тот же момент что-то дрогнуло на холсте. Глаза женщины на картине на мгновение моргнули. Очень медленно, как будто сам воздух сгустился, чтобы скрыть это движение.

Артём не заметил. Он проверял настройки. Мэри застыла. Всё тело сковало, пальцы стали холодными. Она сделала вдох, но звук воздуха показался ей чужим.

– Артём, – прошептала она.

Он поднял голову, удивлённый выражением её лица.

– Что?

– Она... моргнула.

Артём тихо рассмеялся, но смех прозвучал фальшиво.

– Ты серьёзно?

Мэри не ответила. Она подошла ближе, глядя прямо в глаза женщины на картине. Те были спокойны. Ни тени движения. Только где-то в глубине блеснул крошечный отблеск света – как пульс, едва ощутимый, но живой.

И вдруг из угла комнаты донёсся щелчок. Камера сработала сама. На дисплее появилось новое фото – Мэри, стоящая перед картиной, и за её спиной – мужская фигура, размытая, будто в движении. Артём побледнел.

– Это не я снимал.

Мэри почувствовала, как по коже пробежал холод. В отражении стекла, рядом с её лицом, на мгновение проявились часы – старинные, с тёмным циферблатом и застывшими стрелками. 4:13.

Дом сделал вдох.

Мэри не могла отвести взгляда от снимка. Мужская фигура на экране была не просто тенью – очертания плеч, линии лица, чуть склонённая голова – всё казалось реальным, будто кто-то стоял позади неё всего мгновение назад. Но комната была пуста. Только шорох дождя за окном и ровное дыхание Артёма нарушали тишину. Он медленно подошёл, поставил камеру на стол и заглянул в объектив, словно надеялся увидеть в нём другое объяснение.

– Может, отражение? – неуверенно сказал он, хотя в голосе прозвучала фальшь.

– Нет. Отражение не может стоять ближе ко мне, чем ты.

Мэри взяла фотоаппарат, увеличила изображение. Мужчина выглядел так, будто повернул голову в сторону. Лицо оставалось неразборчивым, но из тумана пикселей проглядывали светлые глаза – и странный блеск, знакомый ей по ночам, когда зеркало на лестнице казалось живым. Она почувствовала, как по спине прошёл холодок, будто кто-то дышал ей в затылок.

Артём отвернулся, нервно потирая шею. – Я пойду проверю чердак. Там должна быть старая проводка – вдруг срабатывает что-то электрическое. Или фотоловушка осталась с прошлой экспедиции.

– Не думаю, что это проводка, – тихо ответила Мэри.

Он уже вышел, оставив дверь приоткрытой. Шаги удалялись вверх по лестнице, скрипя под каждым шагом. Дом откликался едва заметными вздохами, словно с ним говорили на языке, понятном только стенам. Мэри осталась одна. Тишина казалась наполненной. Взгляд вновь упал на картину – и она поняла, что теперь глаза женщины не просто наблюдают, они как будто ждут. В глубине зрачков дрожало отражение, не свет, а что-то живое.

Она подошла ближе, коснулась нижнего края холста. Полотно под пальцами было чуть тёплым. Ткань подалась, как живая кожа. Отдёрнув руку, Мэри почувствовала липкую прохладу на ладони – будто тонкий слой влаги, похожий на слёзы.

– Кто ты? – прошептала она.

Ответа не было, но из глубины дома, где-то внизу, раздался тихий, гулкий звук – удар маятника. Мэри замерла, слушая. Часы в коридоре не работали уже много лет, стрелки остановились в тот самый момент – 4:13. Но теперь тиканье повторилось. Один раз. Второй. Потом стихло.

На секунду ей показалось, что воздух сгущается, а за спиной что-то меняется. Она обернулась – и вздрогнула. Зеркало на стене, старое, с облупленной рамой, дрожало, будто дыхание проходило по его поверхности. В отражении она увидела не комнату, а коридор, уходящий в темноту. Там, в глубине, стоял человек. Неясный, полупрозрачный, как тень под водой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.